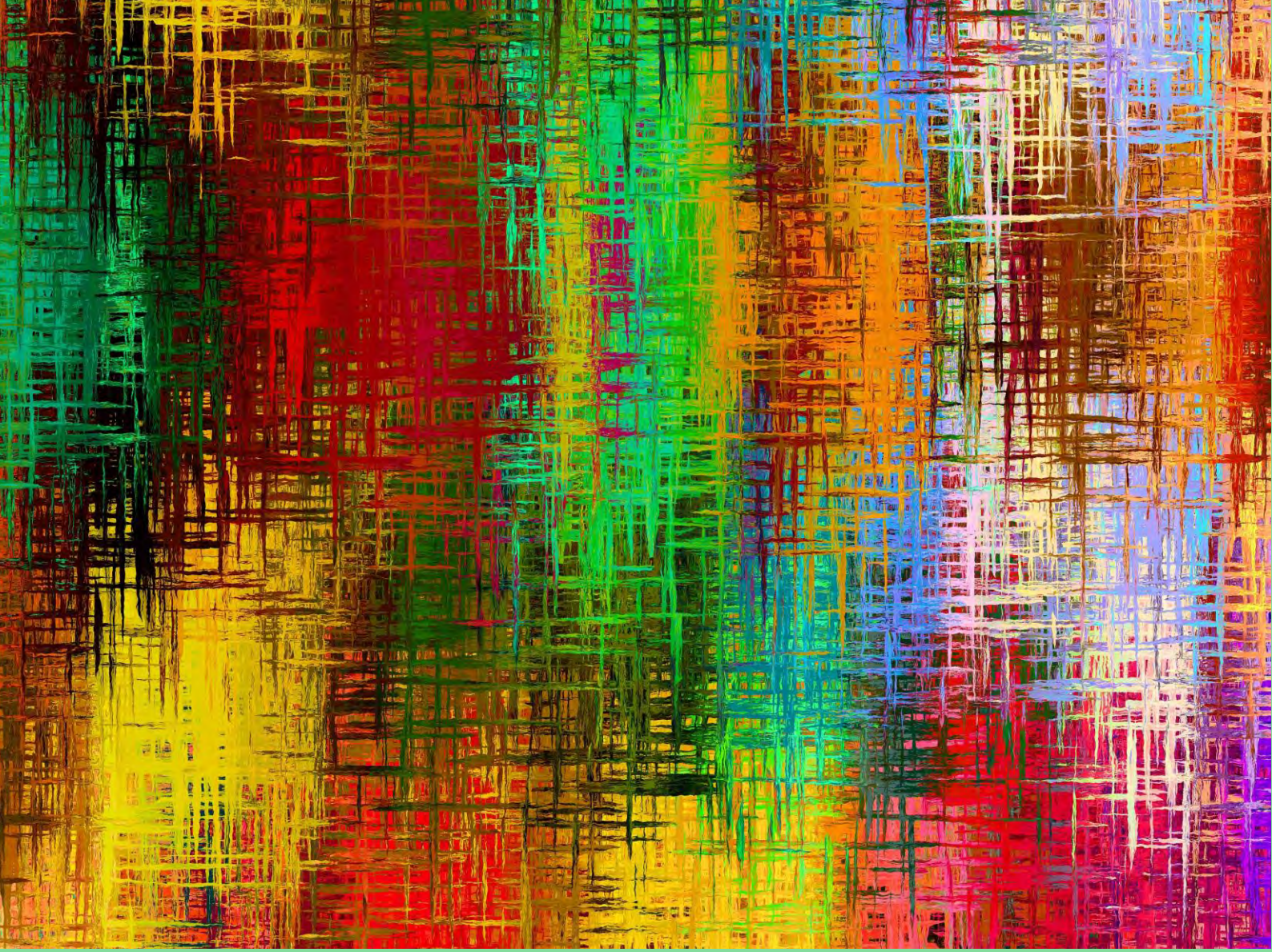

Россия и Азия

№ 2 (24), 2023

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 2 (24), 2023 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Динамики мировой экономики профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

- Белова Л. Г.** Влияние пандемии *COVID-19* на шеринговую экономику в зарубежных странах и в России 6
- Кириллов В. Н., Арда Толга.** Экономическое сотрудничество Турции и России: факторы и проблемы 17
- Русакович В. И.** ОАЭ и Израиль: возможности и перспективы хозяйственного взаимодействия на новом этапе 28

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Насимов И. Х.** Экономика Узбекистана и проблемы преодоления бедности 42
- Бяшарова А. Р.** Цифровизация финансов в странах ССАГПЗ: текущие тенденции и вызовы 54
- Башер М. А. Б.** Ирак: возможности повышения финансовой и экономической устойчивости в условиях цифровизации 64

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

- Линецкий А. Ф.** Экономика замкнутого цикла: теоретические аспекты 75

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

- Belova L. G.**
The impact of the COVID–19 pandemic on the sharing economy in foreign countries
and in Russia 6
- Kirillov V. N., Arda Tolga.**
Economic cooperation between Turkey and Russia: factors and problems 17
- Rusakovich V. I.**
UAE and Israel: opportunities and prospects of economic cooperation at a new stage 28

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Nasimov I. Kh.**
The economy of Uzbekistan and the problems of overcoming poverty 42
- Byasharova A. R.** Digitalization of finance in the GCC countries: current trends and
challenges 54
- Basher M. A. B.** Iraq: opportunities to increase financial and economic stability in the
conditions of digitalization 64

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

- Linetsky A. F.** Closed cycle economics: theoretical aspects 75

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**Влияние пандемии COVID–19 на шеринговую экономику в зарубежных
странах и в России**

Белова Людмила Георгиевна¹

В статье предпринята попытка проанализировать влияние пандемии COVID–19 на феномен экономики совместного использования и на жизнеспособность этой новой цифровой бизнес-модели в форс-мажорных обстоятельствах. В условиях беспрецедентного экономического кризиса 2020 г., вызванного пандемией и обрушившего реальное производство, новая бизнес-модель цифровой экономики, не имеющая единого общепризнанного названия и наиболее часто именуемая шеринговой экономикой (ШЭ), или экономикой совместного пользования, успешно развивается в условиях изменения парадигмы потребительского спроса в направлении «сознательного потребления», т. е. «правильно тратить деньги, чтобы снижать издержки». Методологическим подходом исследования послужили методы логического, структурного, факторного, системного и сравнительного анализа. В статье обоснован вывод о все более глубоком проникновении модели шеринговой экономики в бизнес и социум и сформулирован прогнозный конструкт, что шеринговая экономика — это новый тип производства и потребления, который должен сформировать и новую модель циклической экономики на основе системных трансформаций существующей модели и сформировать качественно новые принципы функционирования бизнеса, экономики и в целом общества.

Ключевые слова: мировая экономика, глобальный кризис, Россия, шеринговая экономика, экономический рост, неравенство, домохозяйства, корпоративный сектор.

JEL коды: F01, F20, G30.

Введение

В статье представлены результаты анализа влияния пандемии COVID–19 на процесс развития шеринговой экономики (ШЭ) и на возможность дальнейшего развития этой бизнес-модели в условиях крайне жесткого экономического кризиса 2020 г., инициированного глобальной пандемией коронавируса. Этот кризис одновременно обрушил производство, финансовые рынки и потребительский спрос на товары и услуги в различных странах и, соответственно, в мире в целом. В этой ситуации жизненно важной стала задача «сознательного потребления» — правильно тратить деньги и снижать издержки. Цель

¹ Белова Людмила Георгиевна — доктор экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

исследования заключается в выявлении реального вектора воздействия пандемии *COVID-19* на функционирование этой новой бизнес-модели, возможность развития которой во многом обусловлено цифровизацией экономики. Во исполнение цели автором были проанализированы нишевые бизнес-модели, складывающиеся внутри общей конструкции цифровой бизнес-модели ШЭ, а также основные тренды развития ШЭ в условиях пандемии в разных странах. Научная разработанность темы ШЭ в период *COVID-19* представлена в мировой научной литературе работами таких зарубежных авторов, как Дж. Дэвис (J. Davies), Дж. Бэчман (D. Bachman), С. Барет (S. Baret), А. Селнер (A. Celner), М. О'Рейли (M. O'Reilly), М. Шиллинг (M. Shilling), П. Генри (P. Henry), И. Калиш (I. Kalish), А. Ринни (A. Rinne), Д. Хью (D. Hew). В отечественной литературе данная проблематика получила неполное, на наш взгляд, отражение.

Методы исследования

В ходе исследования использовались общенаучные методы, подходы и принципы изучения экономических процессов и явлений, такие, как позитивный подход, методы логического, факторного, структурного, сравнительного анализа, систематизация и др. Исследование основано на базе фундаментальных научных концепций как отечественных, так и зарубежных экспертов и ученых, отчеты международных организаций.

Мировая экономика и шеринговый бизнес в период *COVID-19*

Наиболее серьезные негативные последствия для развития мировой экономики под воздействием *COVID-19* наблюдались в следующих направлениях:

- *крах фондовых рынков*: резкое падение стоимости ценных бумаг на крупнейших рынках из-за опасений инвесторов; коронавирус привел к обрушению американского фондового рынка, в результате которого основные фондовые индексы в США уменьшились более чем на 20% по сравнению с 11 марта 2020 г., когда они достигали своего пика; по данным «Финам», с 1 апреля 2020 г., вслед за индикаторами ведущих фондовых площадок, снижались и российские индексы; ожидаемое сохранение волатильности стало прямым путем к новому краху фондового рынка (5 негативных последствий *COVID-19*..., 2020);

- *спад в производственной активности*: распространение коронавируса повлекло за собой резкое сокращение мирового и странового товарооборота, и это, в свою очередь, привело к падению объемов производства; значительному количеству производственных и логистических компаний потребовалось модифицировать и трансформировать свои производственные и логистические цепочки; возросли издержки, риски, угрозы бизнесу (финансовые, транспортные, торговые и др.), поэтому спад объемов производства оказался весьма значительным, особенно отраслях машиностроения и электротехники; большие риски зафиксированы в фармацевтике, в ожидании негативных последствий для этой отрасли, европейские лидеры и представители бизнеса заявляли о необходимости создания производств субстанций в Европе, тогда как традиционно 88% субстанций для производства фармацевтической промышленности в Европе производятся в КНР (5 негативных последствий *COVID-19*..., 2020);

- *кризис в нефтяной промышленности*: отрасль столкнулась с наиболее мощным за столетие кризисом; спад в сфере промышленного производства во всем мире спровоцировал

снижения спроса на энергоносители и цены на них упали; отмечалось, что спрос на нефть, составлявший чуть более 100 млн баррелей в день в 2019 г., в 2020 г. показал максимальное падение за всю историю; по мнению ряда экспертов, уровень общемирового потребления нефти и нефтепродуктов снизился на 10–25% (5 негативных последствий COVID–19...., 2020);

- *разорение малого и среднего бизнеса* (МСБ): различные меры поддержки МСБ применялись многими странами мира, включая отсрочки платежей, налоговые каникулы и др.; однако их оказалось зачастую недостаточно, и не все субъекты МСБ смогли адаптироваться к изменениям, например, перевести деятельность в онлайн; негативное влияние оказывало на МСБ снижение покупательской способности, вызванное нехваткой денег из-за сокращений работающих, снижения зарплат, банкротств; оказалось, что наиболее сильно кризис затронул сферы непродовольственной торговли, развлекательных услуг и предприятия общественного питания; около 3 млн предпринимателей МСБ оказались под угрозой банкротства (5 негативных последствий COVID–19...., 2020);

- рекордный рост *безработицы*: например, в Австрии безработица достигла рекордного уровня со времен Второй мировой войны, поднявшись с 7,5% до 12,2%; в США лишь за одну неделю с заявлениями о выплате пособий по безработице были поданы более 3 млн заявлений граждан страны — это абсолютный рекорд; в России из-за банкротства МСБ потеряли работу 8,6 млн чел. (5 негативных последствий COVID–19...., 2020).

Чтобы сохранить бизнес, рабочие места, заработную плату стремительно трансформировался бизнес, что выразилось в усилении его онлайнизации: онлайн-сервисы стремились успеть за изменившимися привычками и вновь возникавшими потребностями людей; произошло нарастание бартерных отношений из-за образования излишков товаров: ситуация с пандемией высветила, например, проблему продуктовых остатков в продовольственных магазинах по причине неразвитости возможности собирать и передавать продукты на дальнейшую переработку.

В этих условиях остро встала необходимость поиска новых моделей развития национальных хозяйств разных стран, и одной из них стала шеринговая экономика. ШЭ, рожденная IV промышленной революцией во время Великой рецессии 2008 г., с тех пор стремительно развивается во всех передовых странах, охватывая все новые сферы экономики.

Шеринговая экономика (ШЭ), или экономика совместного пользования, — это бизнес-модель цифровой экономики, сущность которой заключается в максимально эффективном использовании факторов производства при акценте не на собственности и владении ресурсами и активами, а на их совместном использовании. Люди предпочитают совместное использование собственности из-за: социальных причин (знакомство с новыми людьми, обмен опытом); экономических причин (совместное использование экономит деньги); практических причин (совместное использование экономит драгоценное время); устойчивых причин (экономия ресурсов и защита окружающей среды) (Sharing Economy and Collaborative Consumption..., 2018).

Цифровую бизнес-модель ШЭ сопровождают значительные риски, отмечаемые многими специалистами и практиками (The Global Sharing Capital, 2016; Риски цифровой экономики, 2018; big trends for the sharing economy..., 2019). Но внедрение блокчейн-технологий в шеринговую модель привело к трансформации первоначальной модели ШЭ 1.0 в ШЭ 2.0. Эта модель характеризуется многими «плюсами», связанными, среди прочего, с

формированием предпосылок к сокращению коррупции благодаря постепенному избавлению от посредников между заказчиком и исполнителем (4 big trends..., 2019), решением острых социальных проблем эйджизма (PWC's 2017 Sharing Economy Predictions...; The Sharing Economy. Consumer Intelligence Series....; The Sharing Economy..., 2017) и др.

Базовая модель ШЭ 2.0 предлагает сегодня ряд бизнес-моделей в сфере пиринговых услуг, например:

- *пиринговая*¹ *транспортировка* (*peer-to-peer transportation*), сопряженная с такими бизнес-моделями, как *каршеринг* (краткосрочная аренда/прокат автомобиля у профильных компаний или частных лиц), *велошеринг* (краткосрочная аренда велосипедов), *кикшеринг* (краткосрочная аренда самокатов или электросамокатов), *джетшеринг* (*Jet sharing*, покресельная аренда места в деловом самолете, бизнес-джете), *райдшеринг* (сервис поиска попутчиков) и т.п.;

- *пиринговое размещение*: сектор ШЭ по краткосрочной аренде жилья; первый и самый известный проект — «ЭйрБиэндБи» (*AirBnB*);

- *пиринговое образование*:

- *пиринговое кредитование* (краудлендинг, *peer-2-peer* кредитование), которое в будущем может вытеснить с рынка часть традиционных финансовых организаций (Рудик, 2015);

- *пиринговое «совместное проживание»*, *коливинг* (*coliving*), который, согласно социальным опросам, приобретает все большую популярность (Коливинг: коммуналка XXI века..., 2020);

- *ресейл* (*resale*) — онлайн-продажа подержанных вещей, включая перепродажу брендовых вещей (*luxury*—одежды и обуви), сервисом которых пользуются даже самые именитые люди (Дайджест шеринга № 7), которая породила 2 новых направления в шеринговом бизнесе: направление *pre-owned*, «в предыдущем владении», перепродажа подержанных вещей самими брендами как их реакция на «осознанное потребление» аудитории, и направление *re-commerce* (ге-коммерция, повторная онлайн-покупка) (Дайджест шеринга № 7).

Пандемия оказала негативное воздействие на самые известные проекты ШЭ — исторически первый и самый известный сектор ШЭ — шеринговый бизнес по краткосрочной аренде жилья «ЭйрБиэндБи» (*AirBnB*) и самый крупный проект ШЭ, созданный компанией «Убер» (*Uber*), — сервис по онлайн-подбору автомобиля по онлайн-запросам потребителей (Когábová, 2019), а также и на другие весьма прибыльные проекты ШЭ.

Примеры негативного воздействия пандемии на шеринговую экономику. Крупнейший агрегатор такси из Сан-Франциско, компания «Лифт» (*Lyft*), уволила в конце апреля 2020 г. 17% своих сотрудников, а количество поездок на сервисе упало почти на 80% в конце марта 2020 г., а в середине апреля 2020 г. оказалось на 75% ниже, чем в соответствующие периоды предыдущего года (Дайджест шеринга № 3). Практика краткосрочной аренды жилья по модели *Airbnb* во многих странах была приостановлена, а в некоторых странах даже

¹ Пиринг (*peering* — соседство) — соединение Интернет-сетей и обмен информацией и трафиком клиентов напрямую без обязательства платить третьей стороне. *Пиринговая сеть P2P* (*peer-to-peer*, «от равного к равному») — одноранговая, или децентрализованная сеть, основанная на равноправии участников.

запрещена. Например, в Шотландии эта практика была запрещена на период пандемии, чтобы временные жильцы не угрожали здоровью собственников в многоквартирных комплексах. Власти Эдинбурга к весне 2021 г. внедрили систему лицензирования для тех, кто сдает жилье туристам (Малый бизнес затягивает пояса...).

Потери понес шеринговый бизнес *коливингов* и *коворкингов* даже в США, где этот шеринговый бизнес получил широкое развитие. Так, американская компания «ВиВорк» (*WeWork*), которая с 2015 г. считалась в числе наиболее дорогих и быстрорастущих стартапов в мире, активно принимала разнообразные антикризисные меры, отказавшись от считавшегося ранее перспективным коливинга *WeLive*, уменьшая цены и привлекая потенциальных клиентов различными акциями, например, бесплатного двухмесячного проживания, если договор аренды заключался сроком не менее чем на 1 год (Переезд в коворкинги...).

На фоне негативного воздействия пандемии на реальный бизнес и на представленные выше сектора ШЭ, тем более удивительны примеры благоприятного воздействия пандемии на развитие шерингового бизнеса.

Примеры положительного воздействия пандемии на шеринговую экономику также имели место. В пандемийный период отдельные виды бизнеса шеринговой сфере обрели новые драйверы роста, и как минимум 1% стартапов получили более или менее реальную возможность увеличить свою рыночную стоимость до 1 млрд долларов (Малый бизнес затягивает пояса...), и привлекать крупные инвестиции. Например, крупнейшая в мире платформа шеринга мотоциклов «Райдерс Шеэр» (*Riders Share*) привлекла 2 млн долл. инвестиций на расширение бизнеса.

Пандемия и он-лайн-деятельность предприятий вызвала необходимость формирования *рынка гибких офисов*, особенно во втором полугодии 2020 г. Очевидно, что необходимость удаленной работы в период пандемии фундаментальным образом изменил и восприятие такого формата деятельности, особенно офисной, работодателями, и они в большинстве своем полностью приняли такую корпоративную культуру как альтернативу росту увольнений. Например, Нью-Йоркский коворкинг-стартап «Индастриэс» (*Industrious*) активно возвращал ранее уволенных сотрудников. Это дало возможность компании к декабрь 2020 г. увеличить выручку на 25%, в том числе за счет экономии расходов, а через год уже около 1/3 занятых в компании работали в он-лайн режиме 2-5 дней в неделю. Компания в 2021 г. сфокусировалась на формировании более доступных рабочих помещений, расположенных вне центральных регионов города для «приближения» мест работы к персоналу, что дало возможность *Industrious* провести IPO в 2021 г.

Динамика и прогноз глобального рынка коворкингов, по данным «РизёрчЭндМаркетс.ком» (*ResearchAndMarkets.com*), глобальный рынок коворкингов, серьезно сократившись в 2020 г., в 2021-2022 гг. зафиксировал устойчивый рост, который, по оценкам, сохранится и в 2023 г.

Если говорить о тенденции развития бизнеса в пространстве *коливинга*, то уже 1-е полугодие 2020 г. он вырос на 14%. Пандемия и необходимость/возможность удаленной работы, особенно офисной, трансформировала их организацию, включая образовательные центры и даже игровые комнаты в единое пространство как модель «офиса будущего». Коливинги как «место совместного жительства» различных предприятий отличаются устойчивым спросом. Коливинги активно приспосабливаются к новым условиям пандемии, чтобы обеспечить безопасность и здоровье своих жильцов. Усиление мер по дезинфекции,

увеличение частной жизни и введение правил и регуляций – все это помогает защитить жильцов от рисков заражения и создать более безопасную среду для потребителей этих услуг. В результате в Гонконге заполняемость коливингов нередко составляла 80%, что увеличило интерес к бизнесу местных и даже иностранных инвесторов, особенно с учетом более низких санитарно-эпидемиологических и других требований к ним по сравнению с отельным бизнесом. Новому формату удалось сохранить среднюю загрузку до 79% (для сравнения: традиционные отели едва набирали 15%). С июня 2020 г. первые обитатели появились в самом большом в США коливинге «Сосайэти Лас Олас» (*Society Las Olas*, на 1200 апартаментов), заселение которого началось в срок, несмотря на ограничительные меры и продолжавшуюся пандемию (Переезд в коворкинги).

Пандемия подтолкнула к новым разработкам шеринговый бизнес по переработке мусора *wastetech*, получивший в результате мощный толчок к развитию. Например, австралийская компания «ТриАрТи» (*3RT*) разработала *smartwood* («умную древесину») и производственный блок, превращающий древесные отходы в имитацию ценных пород дерева. Компания «Бош» (*Bosch*) взялась оказывать содействие в выводе проекта на глобальный рынок. *3RT* предлагает предприятиям оборудование с технологией искусственного интеллекта (*IoT*). Клиенты смогут удаленно подключаться к инновационному центру *3RT* в Аделаиде и получать рекомендации по производственным процессам, устранять неполадки и модернизировать ПО для установки.

Другой пример — канадский биотехнологический стартап «Джинезис» (*Genecis*), использующий бактерии для превращения пищевых отходов в биоразлагаемую массу, которая распадается на углекислый газ и воду, при этом продукты распада могут использоваться в сельском хозяйстве, замыкая непрерывный экологичный цикл. Использование пищевых отходов позволило компании *Genecis* снизить себестоимость производства биопластика на 40% (Дайджест шеринга № 8).

Под влиянием пандемии *COVID-19* и проводимых бизнесом разных стран мероприятий по выживанию в кризисных условиях, в ШЭ сложились новые тренды.

Одним из основных трендов ШЭ в период пандемии стало распространение *библиотек вещей* (*Libraries of Things, LoTs*) в связи с развитием в условиях *COVID-19* привычки людей не купить, а взять товар в аренду. При этом, если опасения, связанные с вирусом, тормозили спрос на услуги совместного пользования, то экономическая выгода и более *осознанное потребление* расширяют предложение. *LoTs* играют решающую роль в бизнес-модели для сервисов краткосрочной аренды технологии, поскольку позволяют локальным компаниям конкурировать в доступности и удобстве с такими гигантами, как *Amazon* или *AliExpress*. Так, технологии позволили сделать сервис по прокату туристического снаряжения «Ласт Минут Джир» (*Last Minute Gear*, США) *круглосуточным* при минимальных затратах. Пользователи приложения могут за считанные минуты разместить и получить заказ на необходимый предмет из каталога *Last Minute Gear* даже глубокой ночью в выходной день у закрытого прокатного салона: приложение открывает доступ к помещению и клиент сможет самостоятельно забрать оплаченную палатку или туристический рюкзак. Британский стартап «Лайбрэри оф Тингз» (*Library of Things*) создал не только модульные киоски самообслуживания, которые устанавливаются в общественных местах (например, в классических библиотеках), но, главное, интерфейс приложения и алгоритм аренды: платформа позволяет арендовать любые вещи, которые готовы одолжить друг другу пользователи через шкафчики киосков *Library of Things*. В японских публичных

библиотеках в связи с пандемией спешно внедрялись услуги доступа к электронным книгам и были созданы сервисы, представляющие систему доступов по коду к определенной книге на фиксированный срок. В мае 2020 г. количество обращений за цифровыми версиями изданий выросло в 5 раз. Японский ретейлер товаров для дома «Мьюджи» (*Muji*) по аналогии с «ИКЕА» (*IKEA*) сдавал в аренду мебель, прежде всего добротную, для организации уютного домашнего офиса, стоимость которой зависит от длительности аренды («Подвешенный» билет в метро).

- коворкинги выделяют в 1,5–2 раза больше офисной площади на каждого работника;
- коливинги снижают тарифы и отказываются от ежегодного повышения арендной платы;
- шеринговые компании переориентируют свои сервисы на коллективных пользователей.

Новыми тенденциями в экономике *каршеринга* и *кикшеринга* (шеринговый бизнес электросамокатов и велосипедов) стали *tactical urbanism* (тактический урбанизм), *micromobility* (использование негабаритного транспорта), *sanitation kits* (наборы для дезинфекции). Речь идет о смене парадигмы в транспортной системе городов после карантина: социальная дистанция, страх коснуться поверхностей общего пользования, возврат к личным авто и пробкам.

В секторе ресейла сформировалась тенденция *свопинга*¹: организация так называемых своп-вечеринок, на которых люди обмениваются ненужной одеждой и весело проводят время. Такие своп-вечеринки уже давно регулярно проводятся в крупных европейских городах. В последние несколько лет они организуются в Москве и Санкт-Петербурге и постепенно распространяются по всей России. В условиях пандемии *COVID-19* и карантина возможность организовать своп-вечеринку онлайн, например, на платформе *Zoom*, позволяла расширить границы обмена вещами (Дин и др., 2019).

Past fashion («подержанная» мода). Ресейл набирает популярность, и на смену неограниченным покупкам «быстрой моды» (*fast fashion*)² приходит новая потребительская мораль «ответственного потребления», породившая тенденцию в моде, поименованную *past fashion* («подержанная» мода). Для укрепления этой тенденции в соцсетях демонстрируется, как правильно сочетать одежду из коллекций прошлых лет.

Тенденция развития вторичного рынка одежды и обуви «люкс». Тренд *Past fashion* в наибольшей степени отразился на премиальных брендах, и в настоящее время платформы вторичного рынка одежды и обуви «люкс» (*luxury*) процветают. Например, глобальный ретейлер «Волмарт» (*Walmart*), крупнейшая в мире торговая сеть оптовой и розничной торговли, теперь продает, среди прочего, подержанные товары от известных марок. Ресейл-партнером *Walmart* стала компания «СрэдАП» (*thredUP*), ведущая американская платформа по перепродаже вещей, основанная в разгар финансового кризиса 2008–2009 гг.

¹ Своппинг (*swapping*) — обмен — полисемичный термин с положительными и отрицательными нюансами. В сфере программирования своппинг, или подкачка, — это процесс выгрузки редко используемых областей виртуального адресного пространства. В сфере экономики своп/своппинг — торгово-финансовая обменная операция. Своп-вечеринка — увеселительное мероприятие, на котором совершаются обменные сделки.

² «Быстрая мода» — обновление ассортимента марки несколько раз в сезон. Становится возможным за счет копирования идей ведущих дизайнеров.

Шеринговая экономика России в период *COVID-19* развивалась по схожему с другими странами сценарию. Одна из самых пострадавших отраслей российской ШЭ, как и в других странах, переживавшая серьезный кризис из-за запретов на использование краткосрочной аренды автомобилей, — *каршеринг*. Тем не менее, после отмены ограничений, спрос на услугу стал даже выше, чем прежде, потому что пауза, на которую был поставлен каршеринг, дала новый толчок развитию этого сектора российской ШЭ. В России пока практически нет полноценных *коливингов*, но российские девелоперы, как и девелоперы в других странах, уже рассматривают варианты *реконцепции старых гостиниц и промышленных объектов под коливинги*. Из-за пандемии серьезно пострадал российский шеринг-бизнес *коворкингов*, однако, с 2021 г. наметилась положительная динамика российского рынка коворкингов (Переезд в коворкинги...). В целях стимулирования российских *wastetech-проектов*, с 2022 г. в России компаниям приходится оптимизировать свои запасы и искать альтернативные пути для утилизации органического мусора: отдавать в переработку или на благотворительность (Дайджест шеринга № 8). Согласно данным компании «Авито», в России растет популярность платформ электронной *C2C-торговли*¹. Этот сегмент российского шерингового бизнеса вырос за 2 года на 92,5% — до 568 млрд руб. в 2019 г. и достиг в 2020 г. 1,06 трлн руб., увеличившись на 87% за 1,5 года (Дайджест шеринга № 2). Однако в отличие от западных стран, граждане которых воспринимают такие покупки как акт *«ответственного потребления»*, россияне видят в этом, в основном, возможность сэкономить или найти товары, труднодоступные в рамках обычного ретейла. Тем не менее, как и для жителей зарубежных стран, для россиян важна и экологическая сторона мотивации: 64% россиян считают вопросы экологии и бережливости важными. Основные товарные категории *C2C-продаж* на российском рынке: электроника и бытовая техника (23% сделок); одежда и обувь (18%); детские товары (16%) (Дайджест шеринга № 2).

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что, в отличие от традиционного бизнеса, испытавшего ярко выраженное отрицательное влияние *COVID-19*, на развитие шерингового бизнеса пандемия оказала не столько негативное, сколько положительное влияние. И это прослеживается и во всех зарубежных странах, и в России. Как нам представляется, этому способствовало изменение поведенческой модели жителей всех стран: формирование *«сознательного потребления»*, в соответствии с которым недоиспользуемые ресурсы направляются в совместное пользование путем шерингового обмена; организация жизнедеятельности с меньшими расходами в результате повышения приоритетности брать что-либо в аренду, чем владеть. Другой важнейший фактор развития ШЭ даже в кризисных условиях — преобразование господствующей до настоящего времени экономической парадигмы перепроизводства и сверхпотребления в парадигму совместного пользования в поведенческой модели не только потребителя, но и производителя.

Исследование мировой практики функционирования ШЭ показало, что во всех странах наблюдается развитие и все более глубокое проникновение модели ШЭ в бизнес и социум. Специфика ШЭ выразилась в неоднозначном воздействии *COVID-19* на эту бизнес-

¹ *Consumer-to-consumer, C2C* — схема электронной торговли конечного потребителя (*consumer*) с конечным потребителем, при которой покупатель и продавец не являются предпринимателями в юридическом смысле этого слова.

модель цифровой экономики. Наряду с отрицательными последствиями коронавируса для ШЭ, наблюдаются и положительные примеры ускоренного развития шерингового бизнеса во всех странах, при этом не только в корпоративном сегменте *B2B*, что преобладало ранее, но и в сегментах *B2C* и *C2C*¹. Бизнес-модель ШЭ доказала свою жизнеспособность и востребованность и в период стабильного экономического развития, и в условиях беспрецедентного кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*. ШЭ обуславливает новую парадигму производства и потребления, и как таковая ведет к циклической экономике.

Список литературы

1. Дайджест шеринга № 2: как дружить в изоляции и «шерить» кино с экрана. [Sharing Digest # 2: how to make friends in isolation and "share" movies from the screen. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eab0c499a7947fc833f794e>
2. Дайджест шеринга № 3: судьба каршеринга и осознанное потребление. [Sharing Digest No. 3: the fate of carsharing and conscious consumption. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eb69cc49a7947938a6c7d47>
3. Дайджест шеринга № 4: как организовать своп и купить люксовые вещи. [Sharing digest No. 4: how to organize a swap and buy luxury items. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ebfb76d9a7947103f617dcb>
4. Дайджест шеринга № 7: зачем гипермаркету продавать секонд-хенд. [Sharing Digest No. 7: why should a hypermarket sell second-hand (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eda60dc9a79474ae4dafa28>
5. Дайджест шеринга № 8: полезные отходы и ненужные автомобили. [Sharing Digest No. 8: useful waste and unnecessary cars. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ee23cfb9a7947566ab17d90>
6. Дин К., Тернеберг С., Лейн Х. Гардероб в стиле Zero Waste: Практическое руководство по осознанному потреблению. [Dean K., Turnberg S., Lane H. Zero Waste Wardrobe: A Practical Guide to Conscious Consumption. (In Russian).] URL: https://www.mannivanov-ferber.ru/assets/media/files-2/garderob-v-stile-zero-waste/Dress_With_Sense-mail_stamped.pdf
7. Коливинг: коммуналка XXI века. 10 января 2020. [Koliving: communal apartment of the XXI century. January 10, 2020. (In Russian).] URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c5ab54bef4dc600add5c41d/koliving-kommunalka-xxi-veka-5e1823660be00a00afbcd587?utm_source=serp
8. Малый бизнес затягивает пояса: дайджест шеринга № 12. [Small business is tightening its belts: Sharing Digest No. 12. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5f086a539a79479f62c4b024>

¹ *B2B*, *Business-to-Business*, «бизнес для бизнеса» — вид информационного и экономического взаимодействия между субъектами корпоративного сектора. *B2C* — *Business-to-Consumer*, «бизнес для потребителя» — коммерческие взаимоотношения между бизнесом и частными лицами, так называемым «конечным» потребителем (*consumer*). *C2C* — *Consumer-to-Consumer* — схема электронной торговли конечного потребителя (*consumer*) с конечным потребителем (*consumer*), при которой покупатель и продавец не являются предпринимателями в юридическом смысле этого слова.

9. 5 негативных последствий COVID–19 для мировой экономики. 4 апреля 2020. [5 negative consequences of COVID–19 for the global economy. April 4, 2020. (In Russian).] URL: <https://zen.yandex.ru/media/cfo/5-negativnyh-posledstviiv-covid19-dlia-mirovoi-ekonomiki-5e8733645f081e20a965f41e>
10. Переезд в коворкинги, перевод в коливинги: дайджест шеринга № 9. [Moving to coworking, transfer to kolivings: sharing digest No. 9. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5eece1829a7947eaafbd856d>
11. «Подвешенный» билет в метро и библиотека вещей: дайджест шеринга № 13. [The "suspended" subway ticket and the library of things: sharing digest No. 13. (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5f11b9799a79476b7f953f84>
12. Риски цифровой экономики. 2018. [Risks of the digital economy. 2018.] URL: <https://popecon.ru/678-riski-cifrovoi-ekonomiki.html>
13. Рудик. Пиринговое кредитование — что это? 6 июля 2015. [Rudik. Peer-to-peer lending — what is it? July 6, 2015. (In Russian).] URL: <https://investtalk.ru/forum/topic/19435-piringovoe-kreditovanie-chto-eto/>
14. 4 big trends for the sharing economy in 2019. 27.01.2019. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/sharing-economy/>
15. The Global Sharing Capital. 28th April 2016. URL: <https://www.yourparkingspace.co.uk/insights/seoul-the-global-sharing-capital>
16. Korábová E. Analysis of the sharing economy trend: The case of Uber / LBS Working Paper No. 6 February 2019. URL: <https://www.lbs.ac.at/wp-content/uploads/2019/03/Korabova-LBS-WP-No6.pdf>
17. PWC's 2017 Sharing Economy Predictions. URL: <http://www.smallbizlabs.com/2017/02/pwcs-2017-sharing-economy-predictions.html>
18. Sharing Economy and Collaborative Consumption: Definition, Examples, Market Size and Statistics 2018, Recent Trends. December 10, 2018. URL: <https://lovata.com/blog/sharing-economy-collaborative-consumption-definition-statistics-examples.html>
19. The Sharing Economy. Consumer Intelligence Series. PwC. URL: <https://www.pwc.com/.../pwc-consumer-intelligence-series-th...>
20. The Sharing Economy — Sizing the Revenue Opportunity. Mar 16, 2017. URL: <http://www.pwc.co.uk/issues/megatrends/collisions/sharingeconomy/the-sharing-economy-sizing-the-revenue-opportunity.html>

The impact of the COVID–19 pandemic on the sharing economy in foreign countries and in Russia

Lyudmila Georgievna Belova,

Dr Sc. (Economics), Associate Professor of the Department of World Economy at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

The article attempts to analyze the impact of the COVID–19 pandemic on the phenomenon of the sharing economy and on the viability of this new digital business model in force majeure circumstances. In the context of the unprecedented economic crisis of 2020 caused by the pandemic and brought down real production, the new business model of the digital economy, which does not

have a single universally recognized name and is most often referred to as the sharing economy, or the sharing economy, is successfully developing in the context of a change in the paradigm of consumer demand in the direction of "conscious consumption", i.e. "it is right to spend money in order to reduce costs." The methodological approach of the study was the methods of logical, structural, factorial, systemic and comparative analysis. The article substantiates the conclusion about the ever deeper penetration of the sharing economy model into business and society and formulates a predictive construct that the sharing economy is a new type of production and consumption, which should form a new model of a cyclical economy based on systemic transformations of the existing model and form qualitatively new principles of functioning of business, economy and society as a whole.

Keywords: *world economy, global crisis, Russia, sharing economy, economic growth, inequality, households, corporate sector.*

JEL codes: *F01, F20, G30.*

Экономическое сотрудничество Турции и России: факторы и проблемы

*Кириллов Виктор Николаевич¹,
Арда Толга²*

Анализ особенностей, факторов и направлений торгово-экономического сотрудничества России и Турции представлен в данной статье. Тема исследования актуальна в силу постепенного укрепления и углубления торгово-экономического взаимодействия двух стран в XXI в. В представленной статье на основе международных и национальных статистических данных проведен анализ факторов роста хозяйственного взаимодействия сторон, их сильных и слабых сторон. Цель статьи — оценить имеющиеся факторы, тормозящие и активизирующие рост этого взаимодействия, и выявить внутренние проблемы, сохраняющиеся в нем. Авторами показано, что, несмотря на наличие внутренних противоречий сотрудничества, сформировавшихся на протяжении столетий, имеется и значительный потенциал развития торгово-экономического взаимодействия Турции и России. По мнению авторов, сохраняется определенное взаимодополнение их национальных экономик, особенно в наиболее важных для государств сегментах: для России это энергетика, для Турции — туризм. Поэтому сотрудничество в дальнейшем может быть комплексным и взаимовыгодным. Авторами также разработаны некоторые предложения по улучшению и углублению российско-турецкого сотрудничества в экономической сфере. Период исследования — 1992–2021 гг.

Ключевые слова: *Россия, Турция, торгово-экономическое сотрудничество, энергетика, международная торговля, факторы торгово-экономического сотрудничества, проблемы сотрудничества.*

JEL коды: *F14, F19, O53.*

Введение

Международное межстрановое экономическое сотрудничество — это сотрудничество между государствами в хозяйственной сфере, которое может выражаться в различных формах, включая обмен товарами и услугами, инвестиции, научно-техническое сотрудничество, кредитование и т.д.

Роль международного экономического сотрудничества на современном этапе весьма важна. Она заключается в том, что это сотрудничество позволяет странам снизить экономические риски, повысить конкурентоспособность и получить новые возможности для экономического развития.

¹ *Кириллов Виктор Николаевич* — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, Государственный университет управления, Москва, Россия.

² *Арда Толга* — аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Международное экономическое сотрудничество является катализатором экономического развития, способствует созданию новых рабочих мест, развитию инфраструктуры и доступу к новым рынкам. Оно также создает условия для развития межкультурного диалога, улучшения внешней политики и укрепления мирового порядка.

В целом, международное экономическое сотрудничество является необходимой составляющей глобальной экономики и способствует развитию мировой экономической интеграции и взаимодействия.

Многие ученые в рамках различных и авторитетных научных школ исследуют данную сферу на протяжении как минимум со 2-й половины первого тысячелетия и приходят к выводу о важности и жизненной необходимости международного сотрудничества для различных стран, которые, благодаря этому, могут обеспечить удовлетворение своих потребностей на уровне потребителя, предприятия, государства, как за счет экспорта, так и импорта товаров, услуг, технологий, знаний и т.д.

Если говорить о международном сотрудничестве России и Турции, в том числе — в экономической сфере, то оно также насчитывает несколько сотен лет из-за близкого соседства стран, сохраняет неоднозначный характер, оказывает значительное влияние на их экономическое развитие и региональную экономическую политику и исследуется в настоящее время как турецкими авторами (Оздемир, 2018), так и российскими (Калугин, 2015), как в историческом срезе (Соколова, 2002), так и в нынешнем (Масумова, 2016).

Сотрудничество России и Турции охватывало на разных этапах различные сферы, и сегодня оно, как полагают исследователи, находится в одном из лучших своих периодов за всю историю взаимоотношений, включающих сегодня многочисленные экономические аспекты (Петров, 2018). Экономическая составляющая остается сегодня одним из наиболее стабильных и прочных направлений колаборации двух стран (Hamilton, Mikulska, 2021).

В данной статье нами будут проанализированы основные направления российско-турецких торгово-экономических отношений за последние 30 лет на основе данных международной статистической базы ЮНКТАД (для обеспечения сопоставимости данных).

Результаты исследования

Российская Федерация, как и Турецкая Республика, сегодня входят в группу 20-ти крупнейших экономик мира, хотя экономический рост у обеих стран осуществляется по разным сценариям (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что ВВП России увеличивался с большей степенью волатильности, тогда как турецкая экономика была более стабильной. Из-за этой высокой волатильности за исследуемый период ВВП РФ увеличился в 27,7 раза и достиг в 2021 г. уровня в 1778782 млн долларов, а ВВП Турции вырос в 26,8 раза и в 2021 г. в стоимостном выражении составил 819034,5 млн долларов. В стоимостном выражении ВВП РФ превышает объем турецкой экономики чуть более, чем в 2 раза, хотя это не лучшее достижение за исследуемый период. Стоит, однако, отметить, что основной причиной столь высокой степени нестабильности российской экономики является не накопление внутренних проблем и неустойчивость, а внешнее целенаправленное агрессивное санкционное воздействие западных стран, начиная с 2014 г., что видно и на рис. 1, и отмечается экспертами (Пономаренко, 2022).

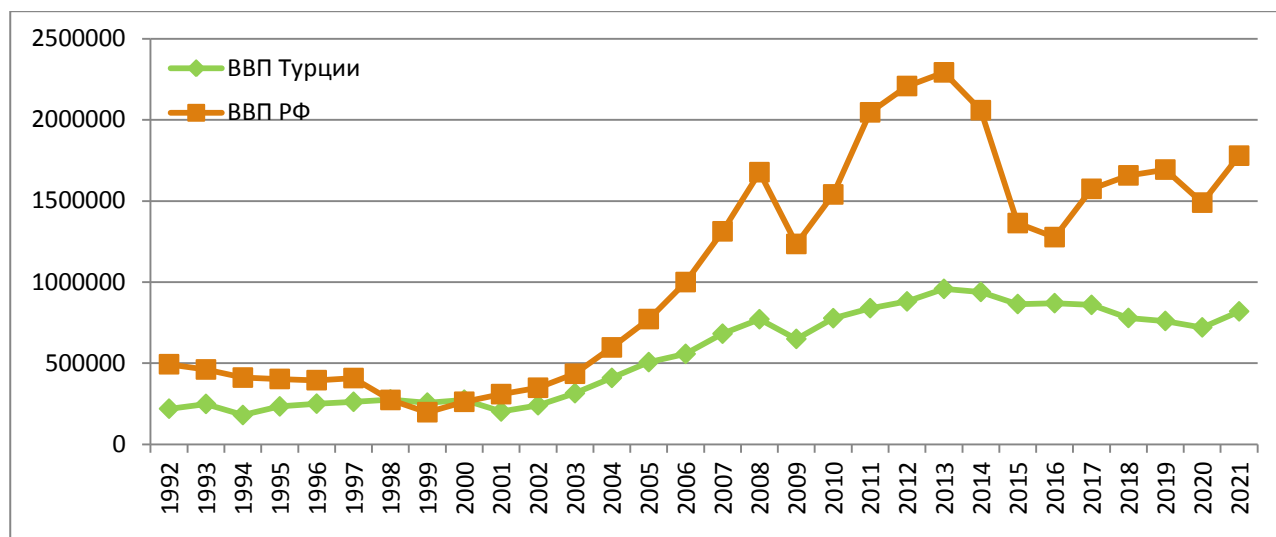

Рис. 1. Изменение ВВП РФ и ТР в 1992–2021 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Однако высокая нестабильность российской экономики затрудняет в отдельные периоды (периоды спада) развитие двусторонних хозяйственных связей и между странами в целом, и между их субъектами хозяйствования.

Еще одна причина высокой волатильности — чрезмерная ориентация российской экономики на экспорт сырьевой необработанной продукции, особенно нефтегазовой, и как результат — зависимость от мировых рынков сырья. Россия — одна из наиболее богатых в мире стран по запасам природного сырья, и по количеству, и по ассортименту, и это обстоятельство является одной из сильных сторон РФ. Она выступает на мировом рынке в качестве одного из ключевых поставщиков энергоносителей в мире. Однако в России не только очень много нефти и газа, а также другого минерального сырья, но и традиционно недостаточно конкурентоспособных видов обрабатывающих производств, продукцию которых можно было бы активно и в больших количествах экспортировать на мировые рынки, в том числе и в Турцию (Меланьина, 2018). И противоречие заключается в том, что Россия остается сегодня страной, где мирового уровня развития достигли такие высокотехнологичные отрасли, как автомобиле-, самолето- и кораблестроение, ВПК, космическая сфера и др., а экспорт этой продукции на мировой рынок ограничен.

Но справедливости ради можно отметить и традиционно неблагоприятное восприятие российской продукции, особенно высокотехнологической, на мировых рынках, регулируемых и управляемых либерально ориентированной системой ВТО, призванной в одностороннем порядке открывать рынки различных государств для западных стран и их продукции (Захарова, Русакович, 2016). Зато РФ производит и экспортирует различные виды сельскохозяйственной продукции, спрос на которую на мировом рынке устойчиво растет.

Экономика Турции, как представляется, более стабильна, так как она более сбалансирована и диверсифицирована. Здесь получили развитие (в том числе — благодаря сотрудничеству с иностранными партнерами) такие отрасли промышленности, как машиностроение, электронная, химическая, текстильная, пищевая и др., а также сфера услуг, представленная сектором туризма и гостеприимства.

Турция представляет собой сегодня производственный хаб, привлекая международные компании и импортируя широкий ассортимент товаров и технологических ресурсов из США, различных стран Европы (Германия, Италия, Англия) и Азии (Китай, Япония и Южная Корея). На 2021 г. в Турции были зарегистрированы 331 организованная промышленная зона, 234 из которых уже функционировали, а остальные 97 находились на стадии строительства. (Костров, 2022). В Турции развита современная инфраструктура, включающая мощную систему дорог, аэропорты, железнодорожные и морские порты. Это способствует развитию бизнеса и улучшению экономического климата в стране.

Но негативные тенденции, а именно высокий уровень инфляции, достигавшей в 2021 г. 14,6%, политическая нестабильность, раскачиваемая извне, высокая безработица, особенно среди молодых людей, высокая внешняя задолженность и некоторые другие иницируют обратные тенденции, увеличивая неопределенность для бизнеса и инвесторов.

Наконец, обе страны обладают достаточно емкими внутренними рынками, будучи крупными странами по количеству населения, ориентированного на рост потребления.

Данные о подушевых доходах в Турции и России, их уровне и динамике (рис. 2) демонстрируют, что здесь показатели стран очень близки на протяжении всего периода (хотя у России динамика более волатильна).

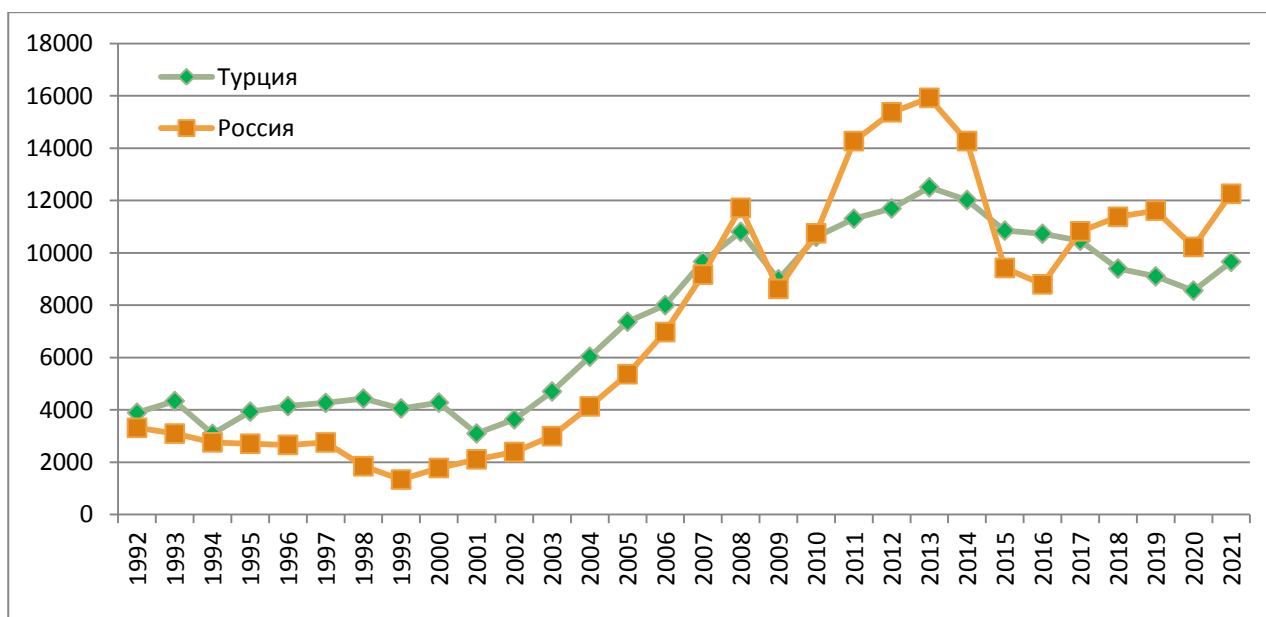

Рис. 2. Изменение подушевых доходов РФ и ТР в 1992–2021 гг., долларов.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

В 2021 г. уровень подушевых доходов в Турции был чуть ниже среднемирового показателя, который составил 12 228 долларов США, а в России — чуть выше, в стоимостном выражении это, соответственно, 9661,228 и 12258,77 долларов, как видно из рис. 2.

На современном этапе торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Турцией развивается в нескольких направлениях, и прежде всего затрагивает *сектор энергетики*. Россия является одним из крупнейших поставщиков нефти и газа для Турции, как и для ряда других стран. В свою очередь, Турция является крупным потребителем

энергоресурсов и транзитной точкой для их транспортировки на европейский рынок, а также газовым хабом, обеспечивающим природным газом европейские страны.

Сотрудничество России и Турции в энергетической сфере имеет ряд особенностей. Основными направлениями сотрудничества являются:

1. Нефтегазовый комплекс. Россия является крупнейшим поставщиком нефти и газа в Турцию. Российская компания «Газпром» — основной поставщик газа в Турцию и удовлетворяет более 50% потребности страны в этом виде энергоресурса. Также российские нефтяные компании активно работают на турецком рынке.

2. Совместное строительство энергетических объектов. Совместные проекты включают в себя строительство ГЭС, ТЭС и транзитные газопроводы. Например, были построены 2 газопровода — «Голубой поток» и «Турецкий поток», — которые связали Россию и Турцию.

3. Развитие альтернативных источников энергии. В последние годы Россия и Турция активно работают над развитием альтернативных источников энергии. Были запущены несколько совместных проектов, направленных на разработку и использование возобновляемых источников энергии (ветроэлектростанций, солнечных батарей и т.д.).

Так, Россия и Турция активно развивают сотрудничество в области атомной энергетики. В 2010 г. было подписано соглашение между Росатомом и турецкой компанией *TAEK* о строительстве в Турции первой атомной электростанции *Akkuyu NPP* мощностью 4,8 ГВт. В данном проекте Россия выступает в роли основного поставщика технологий и оборудования, а Турция — в роли инвестора проекта.

Кроме того, в 2018 г. было подписано соглашение между Росатомом и турецкой компанией *Ciner Group* о создании в Турции новой филиальной компании для добычи урана. Данное сотрудничество будет способствовать развитию турецкой ядерной отрасли и обеспечению необходимой для строительства АЭС Аккую урановой рудой.

В целом, сотрудничество России и Турции в сфере атомной энергетики позволяет стимулировать экономическое развитие обеих стран, обеспечивать энергетическую безопасность и сокращать выбросы углекислого газа при производстве электроэнергии.

4. Продвижение на мировых рынках. Россия и Турция являются важными актерами на мировых рынках энергоресурсов. Сотрудничество двух стран позволяет им укреплять свои позиции на мировых рынках и конкурировать с другими производителями.

Сельское хозяйство и продовольственный сектор остается сегодня еще одним важным направлением торгово-экономического сотрудничества Турции и России. Турция является одним из крупнейших импортеров зерна, мяса и молочной продукции из России. В 2020 г. объем торговли сельскохозяйственной продукцией между двумя странами достиг 3 млрд долларов. Россия также является одним из крупнейших поставщиков зерна и мяса на турецкий рынок.

Кроме того, Турция является важным потребителем российской продукции сельского хозяйства. Турецкие компании закупают в России зерно, масло, молоко и молочные продукты, рыбу, овощи и фрукты. Турция же является крупным экспортером овощей, фруктов и других продуктов питания в Россию.

Россия и Турция также реализуют совместные проекты в области сельского хозяйства. Например, в России действует Турецкий офис по развитию сельского хозяйства, который способствует расширению экспорта российской сельскохозяйственной продукции на турецкий рынок.

Таким образом, сельское хозяйство и продовольственный сектор остаются важными направлениями сотрудничества между Турцией и Россией, что способствует укреплению экономических связей и развитию взаимовыгодного бизнеса.

Туризм. Россия и Турция имеют давние туристические связи. Взаимодействие в сфере туризма продолжает развиваться, благодаря активной работе правительств и рынка. В частности, обе стороны продвигают идею туристических коридоров для содействия бизнесу в сфере туризма и укрепления двусторонних отношений. Достижения в данной сфере и дальнейшие перспективы серьезно зависят от политической и экономической обстановки в мире. Турция выступает одним из самых популярных направлений туризма для россиян, а Россия, в свою очередь, — крупным рынком для турецких потребителей туристических услуг. В 2019 г. Турция стала наиболее популярным направлением для российских туристов, а Россия — для турецких. Промежуточные итоги 2021 г. также свидетельствуют о возобновлении туристического потока между двумя странами после пандемии *COVID-19*.

В 2022 г. в Турции отдохнули свыше 5,2 млн туристов из РФ, и это на 13% больше показателя 2021 г. Но в 2022 г. турпоток не достиг уровня 2019 г., когда Турцию посетили около 7 млн отдыхающих из России. В 2023 г., по оценкам, не менее 5 млн россиян смогут отдохнуть в Турецкой Республике. Основными преимуществами отдыха в Турции остаются прямые рейсы и система «все включено». В условиях раннего бронирования дисконт достигает 40%, что также имеет значение для отдыхающих (Игнатова, 2023).

В 2023 г. страны приступили к созданию платежной системы, чтобы карты этой системы российские туристы могли использовать в Турции для своих платежей (РФ и Турция..., 2023).

Промышленность. Россия и Турция расширяют сотрудничество в области строительства, производства и технологического развития. Россия и Турция сохраняют долгое и продуктивное сотрудничество в промышленности. Они работают вместе в различных областях, включая автомобилестроение, машиностроение, металлургию, энергетику и др.

С одной стороны, Россия обладает мощным промышленным потенциалом и богатыми ресурсами, а с другой стороны, Турция является крупнейшим производителем товаров массового спроса и имеет доступ к рынкам стран Ближнего Востока и Европы. Кроме того, турецкие компании активно работают на российском рынке. Они строят гостиницы, участвуют в строительстве дорог и мостов, занимаются производством товаров широкого потребления.

Турецкий капитал и технологии также присутствуют на производственных предприятиях в России и успешно функционируют на российском рынке. Среди наиболее известных производителей в разных регионах России можно выделить следующих: «Кастамону» — самый крупный производитель ламината в России (МДФ-панели и деревянные напольные покрытия); «Хаят Кимья» — производитель санитарно-гигиенической продукции (туалетная бумага, салфетки, бумажные полотенца); «Джошкуноз Алабуга» — производит детали из листового металла для легковых и грузовых автомобилей; «Тракья Гласс Рус» — автомобильное стекло и зеркала; «Анадолу Эфес» — 14% российского пивного рынка (пиво «Эфес Пильзнер», «Старый мельник», «Козел» и др.); «Беко» — холодильники, стиральные машины и другая бытовая техника; «Русджам» — стеклянная посуда (Костров, 2022).

Инвестиции. Россия и Турция активно развивают инвестиционное сотрудничество в различных областях, включая энергетику, в том числе атомную, транспортную инфраструктуру, туризм и производство. Сотрудничество России и Турции в инвестиционной сфере происходит на основе подписанного в 2010 г. Декларации о стратегическом партнерстве между двумя странами. Обе страны проявляют взаимный интерес в развитии экономических отношений и взаимных инвестиций.

Одной из наиболее заметных инвестиционных проектов в сотрудничестве России и Турции является строительство первого и второго блоков АЭС «Аккую» в Турции российскими компаниями «Росатом» и «Россети». Другими перспективными направлениями сотрудничества являются развитие транспортной инфраструктуры, энергетического комплекса, туризма и сельского хозяйства.

Торговля. Объем торговли между Россией и Турцией стабильно растет. В 2020 г., несмотря на пандемию *COVID-19*, оборот торговли между двумя странами составил более 22 млрд долларов.

Факторы, стимулирующие развитие торгово-экономического сотрудничества России и Турции на современном этапе:

Геополитическое положение. Россия и Турция расположены на стыке Европы и Азии, что делает их ключевыми игроками в регионе и создает для них множество возможностей как для сотрудничества, так и для конкуренции, что неоднократно имело место в истории двух стран. К тому же это страны-соседи, имеющие и давние исторические связи.

Международная торговля. Россия и Турция являются членами Всемирной торговой организации и активно сотрудничают в рамках ряда региональных экономических соглашений, таких как Содружество Независимых Государств и Шанхайская организация сотрудничества.

Приток инвестиций. Россия и Турция привлекают значительные объемы иностранных инвестиций, что способствует развитию экономических отношений между двумя странами.

Многосторонние связи, во многом сформировавшиеся исторически. Россия и Турция имеют множество общих интересов в различных областях, таких как транспорт, энергетика, туризм, здравоохранение и наука. Это облегчает развитие сотрудничества и партнерства.

Политическая стабильность. Россия и Турция — это относительно стабильные политические системы, что способствует развитию долгосрочных экономических планов и проектов.

Развитие транспортной инфраструктуры. Россия и Турция работают над расширением своей транспортной инфраструктуры, что улучшает возможности для торгово-экономического сотрудничества.

Технологический прогресс. Россия и Турция содействуют инновационным проектам, и этот момент также повышает их экономическую интеграцию.

Факторы, затрудняющие развитие российско-турецких торгово-экономических отношений на современном этапе.

Политические напряжения и большое влияние политических решений на экономические отношения: события, связанные с упоминанием Турцией принадлежащего России Крыма и политического кризиса в Сирии, привели к напряженным отношениям между Россией и Турцией.

Монопольная поставка энергоресурсов: Россия является крупнейшим поставщиком нефти и газа для Турции. Это делает Турцию очень уязвимой для любых нарушений в снабжении энергетическими ресурсами.

Низкая диверсификация экономики: Россия сильнее зависит от экспорта товаров относительно Турции, что означает, что она более уязвима в случае возникновения торговых препятствий или иных экономических проблем.

Различный уровень развития экономик: Российская экономика намного более нестабильна по сравнению с турецкой экономикой, что затрудняет развитие их бизнес-отношений.

Культурные различия: Особенности культуры России и Турции не всегда совпадают, что может привести к затруднениям во время ведения бизнеса.

Меры преодоления «узких» мест в турецко-российских торгово-экономических отношениях:

Диверсификация экспорта и импорта. Увеличение оборота товаров и услуг, которые экспортируются и импортируются между Турцией и Россией, может уменьшить зависимость от отдельных групп товаров и услуг.

Развитие транзитных проектов. Турция может использовать свою географическую позицию для транзита российских товаров, а Россия может использовать турецкие порты для доставки своих товаров на мировые рынки.

Увеличение инвестиций. Привлечение инвестиций в обе стороны может способствовать развитию бизнеса и созданию рабочих мест.

Укрепление культурных связей. Формирование дружественных культурных отношений между странами может улучшить общение и взаимопонимание между бизнес-сообществами.

Разработка совместных проектов. Создание совместных проектов в различных отраслях экономики может помочь укрепить торгово-экономические отношения между Турцией и Россией.

Выводы

Исследование показывает, что двустороннее экономическое сотрудничество России и Турции, существенно укрепившееся в последние годы, имеет значительный потенциал и остается взаимовыгодным для сторон. Несмотря на определенные проблемы, сотрудничество опирается на целый ряд факторов, обеспечивающих его развитие.

В результате есть широкие возможности для реализации проектов в ряде направлений хозяйственного взаимодействия. Так, сотрудничество России и Турции в энергетической сфере, в промышленности и в сельском хозяйстве является взаимно выгодным и имеет широкие перспективы на будущее. Сотрудничество России и Турции в промышленности имеет огромный потенциал для развития. Обе страны могут содействовать друг другу в области развития инноваций и технологий и создать новые выгодные условия для бизнеса.

Россия и Турция имеют большой потенциал для развития сотрудничества в сфере туризма, и, на наш взгляд, следует продолжать работу по укреплению туристических связей между Россией и Турцией. Страны продолжают укреплять взаимовыгодное сотрудничество в инвестиционной сфере, основываясь на общих интересах и принципах доверия и взаимной выгоды.

В то же время стоит отметить и наличие факторов, сдерживающих двустороннее сотрудничество России и Турции. Их усиливают процессы глобальной нестабильности и незаконной санкционной агрессии против России. Однако, на наш взгляд, есть у стран возможности смягчить негативные моменты, особенно при более активной роли государств.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Иванов А. Л. (2017) Экономические санкции и импортозамещение в продовольственном секторе России // Инновационная экономика. № 2 (11). С. 12. [Aidrous I. A. Z., Ivanov A. L. (2017) Economic sanctions and import substitution in the food sector of Russia // Innovative Economics. No. 2 (11). P. 12. (In Russian).]
2. Аникеев П. (1925) Торговые обороты СССР с Турцией // Торговля России с Востоком. № 3–4. С. 5–8. [Anikeev P. (1925) Trade turnover of the USSR with Turkey // Russia's trade with the East. No. 3–4. Pp. 5–8. (In Russian).]
3. Захарова Е. В., Русакович В. И. (2016) Вступление России в ВТО: ограничения и возможности на современном этапе. Москва. 160 с. [Zakharova E. V., Rusakovich V. I. (2016) Russia's accession to the WTO: limitations and opportunities at the present stage. Moscow. 160 pp. (In Russian).]
4. Игнатова О. (2023) Турецкие отели начали предоставлять скидки россиянам [Ignatova O. (2023) Turkish hotels have started offering discounts to Russians. (In Russian).] URL: <https://rg.ru/2023/06/06/more-s-diskontom.html>
5. Калугин П. Е. (2015) историческая динамика российско-турецкий взаимоотношений в экономике и энергетике // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. Т. 12. С. 40–54. [Kalugin P. E. (2015) historical dynamics of Russian–Turkish relations in economics and energy // Izvestiya Irkutsk State University. Series: History. Vol. 12. Pp. 40–54. (In Russian).]
6. Костров А. (2022) Сотрудничество России с Турцией в сфере промышленного производства [Kostrov A. (2022) Cooperation between Russia and Turkey in the field of industrial production. (In Russian).] URL: https://finance.rambler.ru/economics/49453069/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
7. Масумова Н. Р. (2016) Внешняя торговля как драйвер развития экономики Турции // Вестник МГИМО-университета. № 2 (47). С. 111–117. [Masumova N. R. (2016) Foreign trade as a driver of the development of the Turkish economy // Bulletin of MGIMO University. № 2 (47). Pp. 111–117. (In Russian).]
8. Меланьина М. В. (2018) Современные тенденции изменения страновой структуры внешней торговли России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 12А. С. 453–459. [Melanina M. V. (2018) Current trends in the country structure of Russia's foreign trade // Economics: Yesterday, today, tomorrow. Vol. 8. No. 12A. Pp. 453–459. (In Russian).]
9. Оздемир В. (2018) Торговые отношения России и Турции на современном этапе // Россия и Азия. № 1 (2). С. 46–51. [Ozdemir V. (2018) Trade relations between Russia and Turkey at the present stage // Russia and Asia. No. 1 (2). Pp. 46–51. (In Russian).]
10. Петров О. В. (2018) Российско-турецкие экономические отношения на современном этапе развития // Торговая политика. № 3/15. С. 32–54. [Petrov O. V. (2018)

Russian-Turkish economic relations at the present stage of development // Trade policy. No. 3/15. Pp. 32–54. (In Russian.)]

11. Пономаренко Е. В. (2022) Политическая экономия и санкции против России: причины и следствия, взгляд эксперта // Международная торговля и торговая политика. Т. 8. № 3 (31). С. 7–23. [Ponomarenko E. V. (2022) Political economy and sanctions against Russia: causes and consequences, expert opinion // International trade and Trade Policy. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 7–23. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-7-23

12. РФ и Турция разрабатывают платежную систему для российских туристов (2023) [Russia and Turkey are developing a payment system for Russian tourists (2023). (In Russian).] URL: <https://iz.ru/1505779/2023-04-28/rf-i-turtciia-razrabatyvaiut-platezhnuiu-sistemu-dlia-rossiiskikh-turistov>

13. Koçak M. (2022) Turkey-Russia Relations in the Twenty-First Century. Lexington Books. 180 p.

14. Hamilton R. E., Mikulska A. (2021) Cooperation, Competition, and Compartmentalization: Russian-Turkish Relations and Their Implications for the West. Foreign Policy Research Institute. 1528 Walnut Street, Suite 610 Philadelphia, PA 19102. 72 p.

15. Öniş Z., Yılmaz Ş. (2015) Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // Third World Quarterly. November. DOI:10.1080/01436597.2015.1086638

16. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Economic cooperation between Turkey and Russia: factors and problems

Kirillov Viktor Nikolaevich,

Dr Sc. (Economics), Professor of the Professor of the Department of World Economy and International Economic Relations, State University of Management, Moscow, Russia.

Arda Tolga,

Postgraduate student of the Department of World Economy and International Economic Relations, State University of Management, Moscow, Russia.

The analysis of the features, factors and directions of trade and economic cooperation between Russia and Turkey is presented in this article. The research topic is relevant due to the gradual strengthening and deepening of trade and economic cooperation between the two countries in the XXI century. In the presented article, on the basis of international and national statistical data, an analysis of the growth factors of economic interaction between the parties based on their strengths and weaknesses is carried out. The purpose of the article is to assess the existing factors that inhibit and activate the growth of this interaction and to identify internal problems that persist in it. The authors show that, despite the existence of internal contradictions of cooperation that has been formed over the centuries, there is a significant potential for the development of trade and economic cooperation between Turkey and Russia. According to the authors, a certain complementarity of their national economies remains, especially in the most important segments for

states: for Russia it is energy, for Turkey it is tourism. Therefore, cooperation in the future can be comprehensive and mutually beneficial. The authors have also developed some proposals for improving and deepening Russian–Turkish cooperation in the economic sphere. The study period is 1992–2021.

Keywords: *Russia, Turkey, trade and economic cooperation, energy, international trade, factors of trade and economic cooperation, problems of cooperation.*

JEL codes: *F14, F19, O53.*

ОАЭ и Израиль: возможности и перспективы хозяйственного взаимодействия на новом этапе

Русакович Василий Игоревич¹

В статье предпринята попытка исследования предпосылок и возможностей развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Государством Израиль и Объединенными Арабскими Эмиратами, которые подписали в 2020 г. соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве, что можно рассматривать лишь как первый шаг в усилении интеграции Израиля в региональную экономику в Западной Азии. Развертывание сотрудничества между ОАЭ и Израилем может иметь положительный эффект на весь регион и обеспечить новые возможности для роста экономики и процветания людей. Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между ОАЭ и Израилем является важным шагом в укреплении мирных отношений и стабильности в регионе. Целью данной статьи является компаративный анализ национальных экономик Израиля и ОАЭ для понимания перспектив и возможностей развития торгово-экономического сотрудничества между ними и существующего в XXI в. уровня хозяйственного взаимодействия стран как предпосылки для его углубления в перспективе по ряду направлений. Автор полагает, что схожесть важнейших характеристик национальных экономик Израиля и ОАЭ может стать очень важным фактором стабилизации и развития отношений двух стран в экономической сфере. Теоретико-методологической основа анализа — исследования экспертов, отечественных и зарубежных, по проблематике исследования.

Ключевые слова: ОАЭ, Израиль, Западная Азия, торгово-экономические отношения, экономический рост, региональная экономика.

JEL коды: F14, F19, O53.

Введение

В мировой экономике в последние 2–3 десятилетия происходят чрезвычайно важные изменения и процессы, касающиеся формирования новой архитектуры взаимоотношений между странами, в том числе в экономическом срезе. Эти процессы затрагивают и Западную Азию, регион, который традиционно считался чрезвычайно фрагментированным, опирающимся исключительно на традиционные взгляды и поведение общества, и поэтому отношения и хозяйственные связи региональных стран между собой рассматривались и зарубежными (Korany, 2013), и отечественными специалистами как неизменно ограниченные. Особенно это касалось различных направлений экономического взаимодействия между арабскими странами, с одной стороны, и Израилем, с другой. Но в

¹ *Русакович Василий Игоревич* — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес», Москва, Россия.

последнее десятилетие «явно обозначился тренд к налаживанию новых отношений» (Звягельская, 2022).

В отечественной научной экономической литературе исследования, посвященные арабским странам Западной Азии, в том числе входящим в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), их региональному и международному сотрудничеству посвящено достаточно много работ. Так, проф. Л. В. Шкваря исследует интеграционные и торговые процессы в этой группе государств как между собой, так и с внерегиональными партнерами, в том числе с Россией, и приходит к выводу о росте их потенциала в сфере международной торговли и других форм международного экономического сотрудничества (Шкваря, 2008). Айдрус И. А. З. анализирует возможности, особенности, направления структурных сдвигов в странах Персидского залива и формирование ненефтяной экономической базы как основы для устойчивого развития и международного сотрудничества (Айдрус, Шкваря, 2016). Различные аспекты экономического развития арабских стран Ближнего Востока анализируют Исаев В. А. и Филоник А. О. (Исаев, Филоник, 2020; Исаев, Филоник, 2015), а также некоторые другие авторы.

С другой стороны, экономические проблемы развития и внешнеэкономического сотрудничества Израиля также нашли отражение в научной литературе в России (Государство Израиль..., 2019) и за рубежом. Так, Д. А. Марьясис исследует различные аспекты внутристрановой динамики и международного хозяйственного взаимодействия (Марьясис, 2007), рассматривая данное государство как чрезвычайно важного игрока на региональном и мировом рынке.

Однако на протяжении десятилетий торгово-экономические отношения Израиля и других стран региона — арабских государств — не находили исследователей по причине их практически полного отсутствия на официальном уровне. Однако в XXI в. эта ситуация начала постепенно изменяться. Стали возникать примеры неформального экономического взаимодействия, когда на рынках арабских стран начала появляться израильская продукция, пусть и в небольших объемах, и в незначительном ассортименте. Постепенно развивались и официальные проекты, такие, например, как строительство транспортного коридора из Индии через страны ССАГПЗ и Иорданию до израильского порта Хайфа и далее в Западную Европу (Ахмади, 2023; *The India–Middle East Food Corridor...*, 2022).

Однако в последние несколько лет появляются исследования арабо-израильских экономических отношений в отдельных срезах. Так, Бабенкова С. Ю. обращает внимание на постепенное развитие палестино-израильского взаимодействия в отдельных экономических направлениях. Это стало возможным благодаря достигнутым в 2020 г. договорам о сотрудничестве Израиля с арабскими странами, которые способствуют повышению степени интеграции этого государства в региональные процессы (Бабенкова и др., 2022).

Сегодня, со вступлением в силу с 1 апреля 2023 г. Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между ОАЭ и Израилем, возникает необходимость пока предварительного анализа той системы региональных экономических отношений, в которые включается Израиль, что служит целью данной статьи. Статья написана на базе имеющейся апробированной литературы по Западной Азии, анализа международной статистики UNCTAD и оценки ряда положений Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между правительством Объединенных Арабских Эмиратов и Правительством Государства Израиль от 2020 г. и не претендует на всеобъемлющие выводы.

Результаты исследования

Экономическое сотрудничество между ОАЭ и Израилем официально началось в сентябре 2020 г., когда страны подписали соглашение об установлении полноценных дипломатических отношений и о всеобъемлющем экономическом партнерстве (включает 18 глав). Это историческое соглашение имеет огромный потенциал для развития торговых и экономических отношений между двумя странами и огромное значение для активизации регионального и внерегионального хозяйственного взаимодействия. Фактически Израиль подписал соглашение в 2020 г. не только с ОАЭ, но также и с Бахрейном, а еще раньше, об установлении дипломатических отношений, — с Египтом (в 1979 г.) и Иорданией (в 1994 г.).

Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между ОАЭ и Израилем вступило в силу 1 апреля 2023 г. Соглашение позволяет предприятиям воспользоваться рядом новых преимуществ, в том числе (UAE–Israel Comprehensive Economic Partnership Agreement):

- Расширение доступа для товаров ОАЭ, поступающих на израильский рынок, охватывающее более 96% тарифных позиций и 99% стоимости торговли с Израилем.
- Открытые и недискриминационные условия для трансграничной торговли ОАЭ с Израилем.
- Предоставление поставщикам услуг ОАЭ доступа на внутренний рынок услуг Израиля в ряде секторов, включая:
 - Бизнес-услуги;
 - Услуги связи;
 - Услуги по дистрибуции;
 - Экологические услуги;
 - Финансовые услуги;
 - Туризм и услуги, связанные с путешествиями;
 - Транспортные услуги;

Соглашение устанавливает правила цифровой торговли для обеспечения защиты потребителей в Интернете, обеспечения свободного обмена данными и использования цифровых технологий в бизнесе при сохранении прав интеллектуальной собственности. Соглашение предусматривает открытие прямых авиарейсов между Израилем и Эмиратами, что упростит и ускорит деловые поездки и обеспечит благоприятные условия для расширения торговых, инвестиционных и других экономических связей между странами. Обе стороны выразили заинтересованность в сотрудничестве в области туризма и развития инфраструктуры. Ожидается, что соглашение позволит ОАЭ и Израилю увеличить объемы торговли и инвестиций между собой, а также создать новые рабочие места в различных секторах экономики.

ОАЭ и Израиль также активно работают над развитием совместных проектов в области энергетики, сельского хозяйства, технологий и инноваций, финансовых услуг и многих других секторов.

Российские эксперты полагают, что, наряду с внутренними предпосылками, существует и внешний катализатор в лице США, что содействовало решению этой проблемы (Крылов и др., 2022).

Исследование имеющейся научной литературы (достаточно скудной в части арабо-израильского сотрудничества) позволяет выделить несколько предпосылок для развития арабо-израильского хозяйственного взаимодействия (Schatz, 2020).

Одной из предпосылок развития арабо-израильского торгово-экономического сотрудничества является улучшение политической ситуации в регионе. В последние годы были достигнуты соглашения по урегулированию конфликта между Израилем и некоторыми арабскими странами, что снизило напряженность в регионе и создало условия для развития экономических отношений.

Но многие предпосылки лежат в экономической плоскости — глобальной и региональной.

Прежде всего, у стран близкие уровни жизни — обе страны относятся к группе государств с высокими доходами на душу населения, особенно в региональном разрезе (рис. 1).

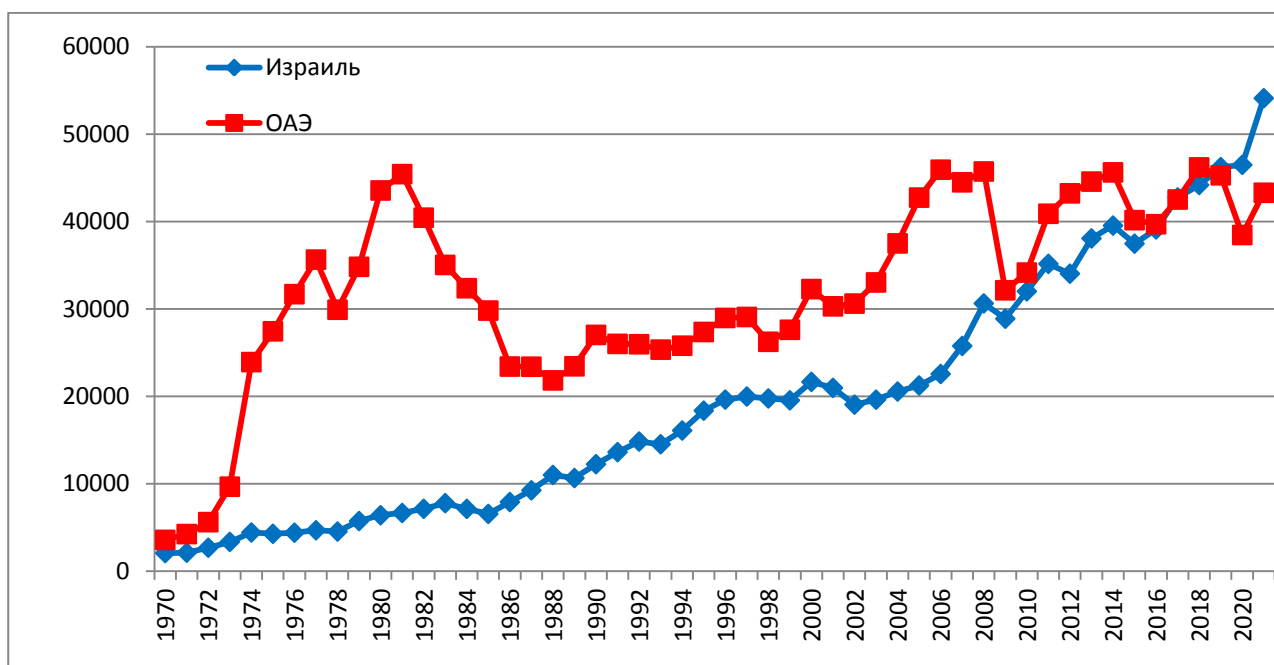

Рис. 1. Динамика подушевых доходов ОАЭ и Израиля в 1970–2021 гг., долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Причем это не просто высокие доходы, но очень близкие в стоимостном выражении, а их периодическое повышение/понижение в ОАЭ связано с внешним фактором — ценовым аспектом на нефтяном мировом рынке. Отметим, что показатель ВВП на душу населения в Израиле достиг в 2021 г. своего максимального исторического значения.

Население обеих стран составляет на 2022 г. менее 10 млн человек при сохранении темпов его роста в Израиле практически на одинаковом уровне и снижении темпов роста в ОАЭ.

Таким образом, в перспективе, по прогнозу специалистов UNCTAD, к середине нынешнего века население Израиля может стать больше (рис. 2), чем в ОАЭ. Доля городских жителей в Израиле в 2022 г. составляла 92,76%, в ОАЭ — 87,54%.

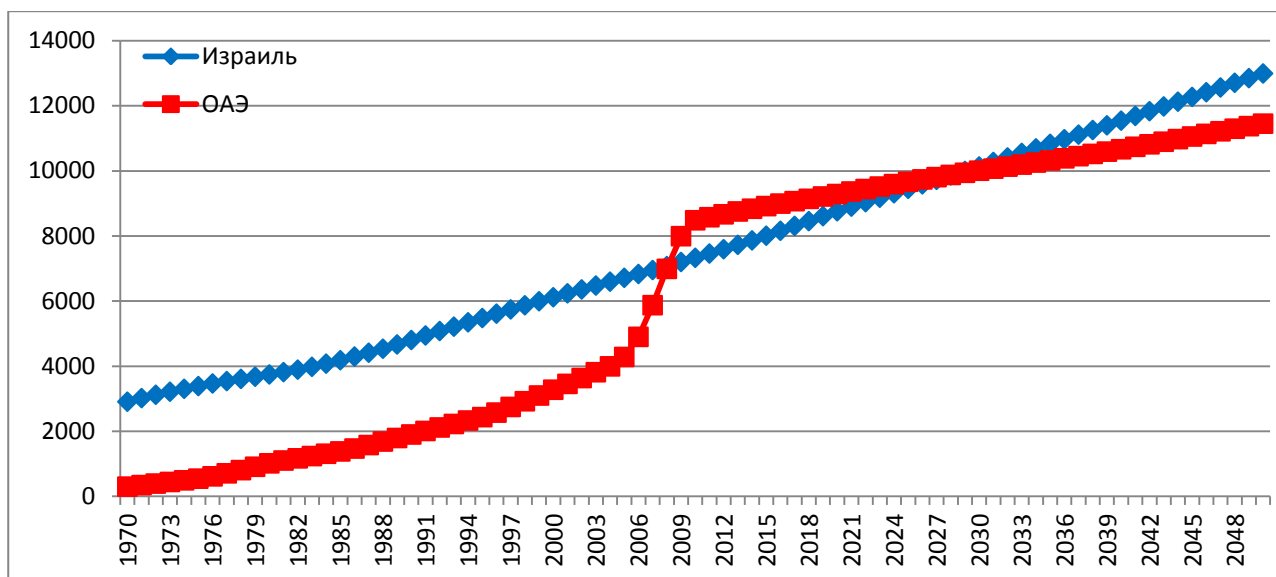

Рис. 2. Количество населения в ОАЭ и Израиле в 1970–2022 гг. и прогноз до 2050 г., тыс. человек.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Израиль и ОАЭ — это страны с близкими уровнями ВВП в стоимостном выражении (рис. 3), причем экономика Израиля более стабильна, так как она и более диверсифицирована, хотя ОАЭ в последние четверть века провели серьезную работу в направлении диверсификации национального хозяйства. Кроме того, Израиль имеет высокий уровень развития науки и технологий, особенно в области информационных технологий, медицины и агротехнологий. Это может представлять интерес для арабских стран, которые могут воспользоваться возможностями и преимуществами сотрудничества в этих областях.

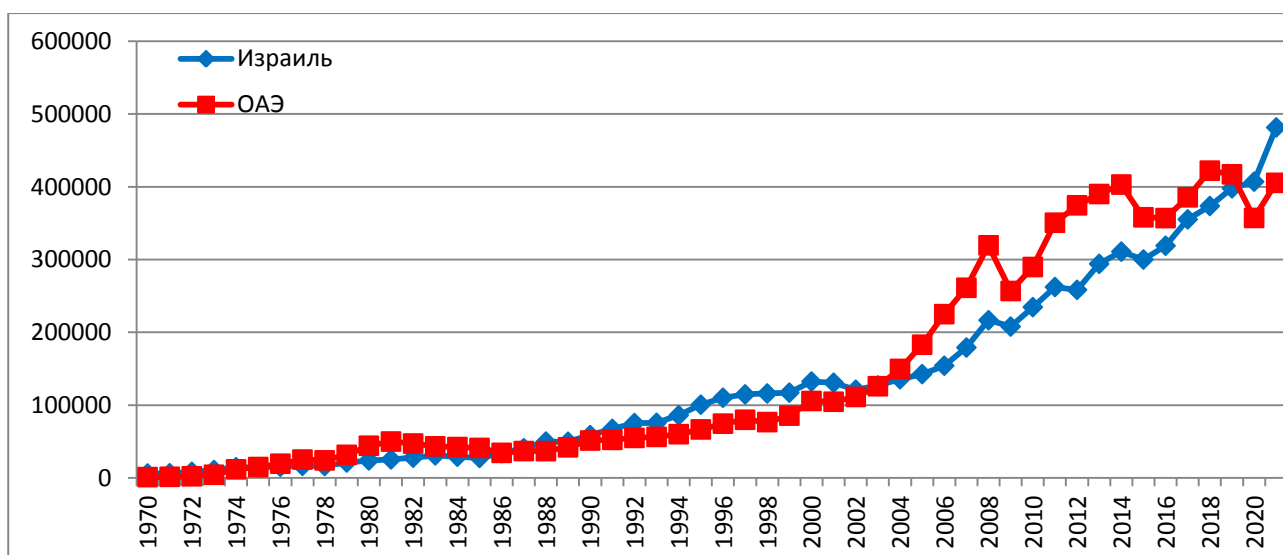

Рис. 3. Динамика ВВП ОАЭ и Израиля в 1970–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Анализ индекса производственных мощностей двух стран в 2000–2018 гг. также позволяет говорить о близости потенциалов обеих стран, хотя имеются и определенные различия. Основное различие заключается в следующем.

Израиль и ОАЭ — это две страны, которые активно развивают свою экономику и производственные мощности в последние годы. Компаративный анализ индекса производственных мощностей (*Industrial Production Index — IPI*) этих стран за период с 2000 по 2018 гг. (табл. 1) показывает, как они справлялись с этими задачами.

Как видно из табл. 1, в 2000 г. индекс производственных мощностей Израиля был значительно выше, чем у ОАЭ. На тот момент Израиль уже был одним из самых развитых по уровню промышленного производства государств в регионе. За последующие годы у Израиля наблюдалась нестабильная динамика *IPI*, с заметными динамическими изменениями как вверх, так и вниз. Впрочем, несмотря на отдельные периоды роста или спада, индекс производственных мощностей Израиля сохранился на достаточно высоком уровне по сравнению с другими странами в регионе.

С другой стороны, начиная с 2000 г. у ОАЭ начался активный рост *IPI*. За последние 10 лет страна инвестировала значительные средства в различные отрасли и существенно расширила свои производственные мощности. Это привело к тому, что в 2018 г. индекс производственных мощностей ОАЭ достиг самого высокого за последние 18 лет уровня.

Как видно из табл. 1, показатели Израиля и ОАЭ весьма близки практически по всем параметрам, за исключением уровня развития человеческого капитала. По данным Мирового банка, ОАЭ и Израиль много инвестируют в развитие своего человеческого капитала. Израиль имеет более высокие показатели по уровню образования, а также большую долю населения, которое работает в научно-технической сфере. Израиль имеет одну из наиболее развитых систем образования и исследований в мире, с большим количеством научных центров и университетов.

ОАЭ также наращивает инвестиции в развитие своей системы образования, включая университеты и исследовательские центры. Однако большинство университетов ОАЭ были основаны недавно и находятся в стадии развития (Айдрус, Асмятуллин, 2018). ОАЭ привлекает большее количество иностранной рабочей силы, чем Израиль, в том числе и высококвалифицированной, занятой в высокотехнологичном сегменте.

Израиль имеет более разнообразный, хотя и количественно ограниченный, природный капитал, включая различные типы почв и климатов, а также морское побережье на Средиземном море. ОАЭ более ограничены в разнообразии природного капитала, на их территории расположены десертифицированные зоны и пустынные ландшафты. Израиль и ОАЭ сильно зависят от импорта воды. При этом Израиль имеет более разнообразные источники энергии, включая газ, уголь и солнечную энергию. ОАЭ же полностью зависит от нефти и газа, правда, собственных.

Оба государства имеют современные и эффективные системы транспорта. В Израиле есть высокоскоростная железная дорога, которая соединяет главные города страны. ОАЭ является главным транспортным центром региона и имеет крупные порты и аэропорты. ОАЭ имеет более широкую сеть автомобильных дорог и хорошо развитый общественный транспорт, включая метро.

Таблица 1.

Индекс производственных мощностей Израиля и ОАЭ, годовой, 2000–2018 гг.

		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
	Категории																			
Израиль	Общий индекс: Индекс производственного потенциала	35,65	35,86	36,00	36,28	36,66	36,85	38,30	38,82	39,23	39,14	39,23	39,53	39,79	39,52	39,67	39,98	40,06	40,18	40,20
	Человеческий капитал	65,01	66,66	67,13	66,12	66,09	66,95	81,58	82,98	82,37	81,83	81,12	81,66	84,34	84,34	84,50	85,02	85,51	85,11	84,52
	Природный капитал	50,01	49,92	49,94	49,83	49,52	49,53	49,48	49,55	49,62	49,59	49,45	49,56	49,60	49,57	49,67	49,61	49,61	49,61	49,61
	Энергия	33,16	33,10	33,03	33,09	33,14	33,06	33,19	33,33	33,42	33,23	33,32	33,30	33,81	33,45	33,65	33,65	33,65	33,75	33,78
	Транспорт	16,39	16,22	16,57	16,47	16,63	16,60	16,59	16,77	16,68	16,77	16,65	16,69	16,67	16,64	16,57	16,70	16,72	16,72	16,72
	Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	10,87	11,16	11,83	12,81	14,00	14,89	15,63	17,20	18,30	18,53	19,04	19,54	19,54	18,98	19,38	19,85	19,92	20,36	20,67
	Институты	71,08	70,30	69,53	68,85	68,31	67,23	70,01	69,35	69,95	67,54	69,54	71,02	70,70	70,68	71,54	72,85	73,73	73,47	73,30
	Частный сектор	84,01	84,23	84,39	84,22	84,11	84,25	84,14	83,78	83,67	83,48	83,93	84,29	83,79	83,90	83,90	83,92	83,89	83,89	83,89
	Структурные изменения	22,77	23,14	22,13	22,52	22,49	22,18	22,59	22,46	23,01	23,29	22,69	22,64	23,03	22,74	22,55	22,71	22,55	22,71	22,66
ОАЭ	Общий индекс: Индекс производственного потенциала	31,35	32,24	33,17	33,36	34,15	34,49	34,67	35,29	35,84	35,98	36,78	37,26	38,11	38,93	40,84	41,37	41,68	41,98	42,30
	Человеческий капитал	42,55	43,09	43,38	43,69	43,78	44,17	45,31	45,85	46,37	47,37	51,33	51,41	51,74	52,39	52,90	53,85	54,04	54,21	54,31
	Природный капитал	52,26	51,21	50,82	51,54	52,28	53,07	53,46	53,07	53,91	51,58	52,50	53,62	53,68	53,53	52,86	50,37	50,37	50,99	51,37
	Энергия	46,10	45,18	45,38	44,54	43,27	42,10	41,09	40,84	40,81	40,35	40,00	39,88	40,53	40,40	40,22	40,23	40,23	40,05	39,84
	Транспорт	10,10	11,38	12,53	13,87	15,18	15,74	16,42	16,82	18,58	18,27	19,50	20,12	21,62	23,18	31,82	33,01	33,28	34,06	34,85
	Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	8,76	9,25	9,79	10,24	10,61	11,37	12,14	13,15	13,61	13,53	13,38	14,44	15,55	16,49	17,11	17,84	18,39	19,00	19,70
	Институты	65,72	68,42	71,12	65,81	67,07	66,42	65,64	66,33	65,86	66,11	64,23	67,19	68,38	69,71	70,81	70,80	70,57	70,75	70,22
	Частный сектор	84,54	84,70	84,78	84,79	84,86	85,17	85,35	85,82	85,94	87,08	87,13	86,31	86,42	86,31	86,52	87,37	88,01	88,33	88,58
	Структурные изменения	18,51	19,17	19,82	19,31	20,37	20,04	18,78	19,25	18,65	20,00	21,26	20,03	19,88	20,26	20,62	21,60	21,87	21,56	21,57

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Обе страны имеют высокую степень развития ИКТ. Израиль является признанным лидером в области технологий и инноваций, в частности, в области кибербезопасности и в сфере мобильных технологий. ОАЭ инвестировали в развитие ИКТ с целью диверсификации экономики и значительно продвинулись в области цифровых технологий и в сфере облачных вычислений.

Сравнение производственных возможностей Израиля и ОАЭ по двум элементам — развитию частного сектора и структурным изменениям — может оказаться полезным для лучшего понимания экономических особенностей этих стран. Израиль и ОАЭ обладают высокоразвитым частным сектором экономики. В 2020 г. доходы частного сектора составили около 79% от ВВП Израиля и около 70% от ВВП ОАЭ. Однако, хотя доля частного сектора в экономике составляет большую часть, его структура в обеих странах различна. В Израиле наиболее развит сегмент высокотехнологичной промышленности, который составляет около 14% ВВП страны. В ОАЭ наиболее развит сектор нефтегазовой промышленности, который составляет около 30% от ВВП.

Обе страны имеют долгую историю экономического развития, и активно работают над структурными изменениями, которые помогут им укрепить свои изначально сильные стороны и обеспечить своим экономикам более высокую степень устойчивости к колебаниям мирового рынка. Например, ОАЭ активно инвестируют в технологические инновации и ускоряют развитие цифровых технологий. Израиль, с другой стороны, старается развивать бизнес-сектор в области здравоохранения и биотехнологий.

Компаративный анализ индекса производственных мощностей Израиля и ОАЭ показывает, что обе страны активно развивают свои производственные возможности. Однако ОАЭ проявляет более высокую динамику роста в этой сфере, чем Израиль. В результате индекс готовности передовых технологий Израиля и ОАЭ существенно повысился в 2008–2019 гг. (табл. 2).

Так, Израиль обладает высокими и биотехнологиями технологиями, занимал в 2022 г. 16-е место в мире и 1-е в регионе в рейтинге по Глобальному инновационному индексу (*Global Innovation Index, GII*), по версии *Bloomberg*. Эффективность инновационной деятельности в Израиле в 2022 г. в группе стран с учетом уровня развития оказалась выше ожидаемой, в то время, как в ОАЭ она была ниже этого уровня (*Global Innovation Index. 2022*).

Но в целом можно говорить о том, что Израиль и ОАЭ показывают одинаково высокий уровень готовности передовых технологий в области ИКТ и навыков. Однако в области НИОКР Израиль занимает более высокие позиции по сравнению с ОАЭ.

Израиль оценивается как страна с большим количеством высокотехнологичных стартапов и более крупной индустрией венчурного капитала на душу населения, чем любая другая страна в мире (Yerman, 2019). Творческая, квалифицированная и многокультурная рабочая сила страны заняла 1-е место в мире по инновационному потенциалу и предпринимательству в отчете Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности (2018) (Solomon, 2018).

Таблица 2.

Индекс готовности передовых технологий Израиля и ОАЭ, ежегодный, в 2008–2019 гг.

		2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
	Категория												
Израиль	Общий индекс	0,76	0,78	0,81	0,81	0,84	0,87	0,87	0,87	0,88	0,86	0,84	0,84
	ИКТ	0,41	0,41	0,54	0,56	0,69	0,68	0,64	0,71	0,72	0,70	0,69	0,69
	Навыки	0,90	0,88	0,86	0,84	0,86	0,86	0,84	0,85	0,85	0,75	0,75	0,75
	Исследования и разработки	0,57	0,58	0,58	0,58	0,58	0,59	0,61	0,60	0,60	0,60	0,61	0,60
	Отраслевая деятельность	0,78	0,84	0,88	0,86	0,85	0,88	0,88	0,89	0,91	0,89	0,89	0,87
	Доступ к финансированию	0,73	0,76	0,73	0,72	0,73	0,72	0,69	0,68	0,68	0,71	0,70	0,72
ОАЭ	Общий индекс	0,49	0,47	0,47	0,50	0,48	0,51	0,56	0,57	0,57	0,59	0,59	0,63
	ИКТ	0,39	0,36	0,37	0,39	0,40	0,49	0,50	0,44	0,45	0,71	0,68	0,78
	Навыки	0,63	0,60	0,59	0,56	0,56	0,54	0,54	0,55	0,55	0,49	0,49	0,49
	Исследования и разработки	0,18	0,19	0,20	0,25	0,33	0,27	0,38	0,41	0,41	0,40	0,40	0,45
	Отраслевая деятельность	0,50	0,53	0,52	0,56	0,50	0,64	0,63	0,64	0,58	0,51	0,59	0,63
	Доступ к финансированию	0,73	0,75	0,78	0,74	0,71	0,69	0,67	0,67	0,73	0,78	0,76	0,76

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В глобальных рейтингах страны занимают близкие места по многим показателям (табл. 3).

Таблица 3.

Место Израиля и ОАЭ в глобальных рейтингах в 2022 г.

Показатель	Израиль	ОАЭ
По уровню ВВП	29	41
По уровню доходов на душу населения	25	36
По уровню процветания	33	44
По уровню глобальной конкурентоспособности (изменение за год)	25 (+2)	12 (-3)
По уровню сетевой готовности	15	28
По индексу инноваций (Global Innovation Index)	16	31
По индексу человеческого капитала	28	43
По уровню образования	22	32
По индексу человеческого развития	22	26
По индексу свободы человека	62	131
По уровню продолжительности жизни	20	55
По уровню социального развития по версии Social Progress Imperative	31	68
По уровню продовольственной безопасности	24	23

Источник: составлено автором по данным Humanitarian Portal, 2022.

Еще одной предпосылкой развития торгово-экономического сотрудничества между Израилем и ОАЭ можно считать уже существующее хозяйственное взаимодействие. Есть ряд примеров экономического, технологического и других видов сотрудничества между Израилем и арабскими странами, причем не только с ОАЭ:

- Экономическое сотрудничество — Израиль и арабские страны имеют деловые отношения в различных областях, включая торговлю и инвестиции. Например, Израиль экспортирует свои товары в ОАЭ, Саудовскую Аравию, Катар и другие арабские страны, где есть высокий спрос на израильскую продукцию с высоким качеством, такие как электроника, медицинское оборудование, продукты питания и др. Торговые отношения между Израилем и арабскими государствами Персидского залива медленно развивались в течение последних 15 лет. По оценкам правительственных чиновников в Израиле, в настоящее время в ОАЭ работает более 500 израильских компаний, а в Бахрейне — более ограниченное их число (Landau, 2020). Среди наиболее прибыльных из этих партнерств — партнерство государственной дубайской компании *DP World* и базирующейся в Хайфе *Zim Integrated Shipping Services*, которые осуществили ряд совместных инвестиций в Азии, Европе и Южной Америке.

- Технологическое сотрудничество — Израиль является одним из лидеров в области высоких технологий, и арабские страны заинтересованы в его опыте и знаниях. Например, в 2020 г. ОАЭ и Израиль подписали соглашение о сотрудничестве в области искусственного интеллекта (ИИ).

- Медицинское сотрудничество — Израиль имеет высокоразвитую медицинскую отрасль, и арабские страны обращаются к израильским экспертам для получения консультаций и лечения. Например, в 2020 г. Иордания пригласила израильских врачей для лечения пациентов с *COVID-19*.

- Энергетическое сотрудничество — Израиль является одним из лидеров в области извлечения природного газа, что делает его привлекательным партнером для арабских стран, которые также заинтересованы в этой области. Например, в 2020 г. ОАЭ приобрела долю в израильском газовом проекте *Leviathan*.

- Туристическое сотрудничество — в последние годы Израиль и арабские страны начали развивать туристическую индустрию и сотрудничать в этой области. Например, в 2020 г. ОАЭ начали официально приглашать израильских туристов в свою страну.

Наконец, социально-экономический кризис, вызванный пандемией *COVID-19*, может стать дополнительным стимулом для развития арабо-израильского торгово-экономического сотрудничества, поскольку странам важно поддерживать экономику в условиях мирового кризиса.

Заключение

Израиль и ОАЭ имеют много общего в области социально-экономического развития и обладают большим потенциалом для дальнейшего сотрудничества.

Они *обладают схожими социально-экономическими характеристиками*, как, например:

- Высокий уровень экономического развития и доходов на душу населения.
- Совершенствование экономических систем и интеграция в глобальную экономику.
- Высокий уровень инновационности и научно-технического прогресса, особенно в отраслях высоких технологий.
- Высокий рост экономики и привлекательность для инвесторов.
- Развитая социальная инфраструктура и высокий уровень жизни населения.
- Значительные инвестиции в образование и исследования (НИОКР).
- Активное развитие туристической индустрии.
- Глобальное лидерство в отрасли энергетики и экологической устойчивости.

Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества между Израилем и ОАЭ в кратко- и среднесрочной перспективе могут быть значительными. Нынешнее историческое соглашение об установлении дипломатических отношений между двумя странами привело к тому, что теперь они могут обмениваться товарами и услугами более активно и официально, работая над продвижением своих брендов. Прогнозируется, что сотрудничество в таких областях, как туризм, технологии, финансы и оптовая торговля, будет являться первоочередными направлениями.

Ожидается, что объем торговых операций между Израилем и ОАЭ может увеличиться, выгодно повлиять на пополнение государственных казначейств и положительно сказаться на экономике этих стран. Кроме того, реализация совместных проектов с участием компаний обоих государств может способствовать расширению их бизнес-сетей и повышению уровня экономической конкурентоспособности.

Несмотря на то, что у Израиля и ОАЭ есть различия в подходах по ряду вопросов в геополитической сфере, экономические выгоды от их торгового сотрудничества являются важнейшим целевым направлением. Если страны смогут использовать этот момент и продолжить экономический рост, экономическое сотрудничество может стать долгосрочным и взаимовыгодным.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2019) Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. № 91–92. С. 20–26. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2019) Personnel as a factor in the development of the digital economy in the GCC countries // Today and tomorrow of the Russian Economy. No. 91–92. Pp. 20–26. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Шкваря Л. В. (2016) Экономическое развитие и структурные сдвиги в экономиках стран Персидского залива (Опыт Бахрейна). Москва. 305 с. [Aidrous I. A. Z., Shkvarya L. V. (2016) Economic development and structural shifts in the economies of the Persian Gulf countries (The experience of Bahrain). Moscow. 305 pp. (In Russian).]
3. Ахмади Ф. (2023) Индия — Ближний Восток: формирование продовольственного коридора как направление экономического сотрудничества // Горизонты экономики. № 2 (75). С. 99–104. [Ahmadi F. (2023) India — the Middle East: the formation of a food corridor as a direction of economic cooperation // Horizons of Economics. No. 2 (75). Pp. 99–104. (In Russian).]
4. Бабенкова С. Ю., Марьясис Д. А., Морозов В. М. (2022) Не конфликтом единым: потенциал цифрового взаимодействия Израиля и Палестины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22. № 2. С. 320–341. [Babenkova S. Yu., Mariasis D. A., Morozov V. M. (2022) Not a conflict only: Potential for digital interaction between Israel and Palestine. Vestnik RUDN. International Relations. Vol. 22. Is. 2. Pp. 320–341. (In Russian).] DOI:10.22363/2313-0660-2022-22-2-320-341
5. Государство Израиль: путь длиною в 70 лет / Крылов А. В., Карасова Т. А., Федорченко А. В., Марьясис Д. А., Морозов В. М., Носенко Т. В., Гофман А. В., Хлебникова Л. Р., Якимова Е. А., Семенченко Н. А. Москва, 2019. 237 с. [The State of Israel: a path of 70 years / Krylov A. V., Karasova T. A., Fedorchenko A. V., Maryasis D. A., Morozov V. M., Nosenko T. V., Hoffman A. V., Khlebnikova L. R., Yakimova E. A., Semenchenko N. A. Moscow, 2019. 237 p. (In Russian).]
6. Звягельская И. Д. (2022) Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. № 6. С. 55–66. [Zvyagelskaya I. D. (2022) New regionalism and old problems of the Middle East // Polis. Political Studies. No. 6. Pp. 55–66. (In Russian).] DOI:10.17976/jpps/2022.06.05
7. Исаев В. А., Филоник А. О. (2020) Продовольственная проблема в арабских странах в свете вызовов «зеленой» экономики // Мир новой экономики. Т. 14. № 1. С. 34–43. [Isaev V. A., Filonik A. O. (2020) The food problem in the Arab countries in the light of the challenges of the "green" economy // The World of the New Economy. Vol. 14. No. 1. Pp. 34–43. (In Russian).] DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-1-34-43
8. Исаев В. А., Филоник А. О. (2015) Катар: три столпа роста. М.: Ив РАН. 320 с. [Isaev V. A., Filonik A. O. (2015) Qatar: Three pillars of growth. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 320 pp. (In Russian).]

9. Крылов А. В., Федорченко А. В., Марьясис Д. А. (2022) Процесс «нормализации» отношений между Израилем и арабскими монархиями с точки зрения российских интересов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. № 3. С. 133–150. [Krylov A. V., Fedorchenko A. V., Maryasis D. A. (2022) The process of "normalization" of relations between Israel and Arab monarchies from the point of view of Russian interests // Bulletin of the Moscow University. Series 13: Oriental Studies. No. 3. Pp. 133–150. (In Russian).]
10. Марьясис Д. А. (2007) Израиль в системе международных экономических отношений. Москва. 323 с. [Maryasis D. A. (2007) Israel in the system of international economic relations. Moscow. 323 p. (In Russian).]
11. Шкваря Л. В. (2008) Проблемы субрегиональной межарабской экономической интеграции в условиях глобализации. Монография. Москва. 385 с. [Shkvarya L. V. (2008) Problems of sub-regional inter-Arab economic integration in the context of globalization. Monograph. Moscow. 385 p. (In Russian).]
12. Comprehensive Economic Partnership Agreement Between the Government of the United Arab Emirates and the Government of the State of Israel. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/1347101/IL-UAE+CEPA+Consolidated+Eng+Final.pdf>
13. Humanitarian Portal. URL: <https://gtmarket.ru/>
14. Global Innovation Index, 2022. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-exec-en-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf>
15. Korany B. (2013) The Middle East since the Cold War: Initiating the fifth wave of democratization / In Fawcett L. (Ed.) International Relations of the Middle East. Oxford: Oxford University Press, pp. 77–102.
16. Landau N. (2020) After 20 Years of Relations Under the Radar, Israeli Mission in Abu Dhabi Is Set for an Upgrade // Haaretz, 19 August. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2020-08-19/ty-article/.premium/amid-uae-deal-israeli-foreign-minister-talks-with-counterparts-in-arab-countries/0000017f-e2fb-d7b2-a77f-e3ff84710000>
17. The India–Middle East Food Corridor: How the UAE, Israel, and India are forging a new inter-regional supply chain (2022). URL: <https://www.mei.edu/publications/india-middle-east-food-corridor-how-uae-israel-and-india-are-forging-new-inter>.
18. Schatz D. (2020) The Abraham Accords: Politico-Economic Drivers and Opportunities. URL: <https://trendsresearch.org/insight/the-abraham-accords-politico-economic-drivers-and-opportunities/>
19. Solomon S. (2018) Israel gets top marks for innovation, entrepreneurship in WEF report // Times of Israel, October 17. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-gets-top-marks-for-entrepreneurship-innovation-in-wef-report>
20. UAE–Israel Comprehensive Economic Partnership Agreement. URL: https://www.moec.gov.ae/en/cepa_israel
21. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
22. Yerman J. (2019) A Startup Nation: Why Israel Has Become The New Silicon Valley // APEX Experience, 22 may 2019 URL: <https://apex.aero/articles/startup-nation-israel-become-silicon-valley>.

UAE and Israel: opportunities and prospects of economic cooperation at a new stage

Vasily Igorevich Rusakovich

PhD (Economic Sciences), General Director of Antares LLC, Moscow, Russia.

The article attempts to study the prerequisites and opportunities for the development of bilateral trade and economic cooperation between the State of Israel and the United Arab Emirates, which signed the Comprehensive Economic Partnership Agreement in 2020, which can be considered only as the first step in strengthening Israel's integration into the regional economy in Western Asia. The deployment of cooperation between the UAE and Israel can have a positive effect on the entire region and provide new opportunities for economic growth and prosperity of people. The Comprehensive Economic Partnership Agreement between the UAE and Israel is an important step in strengthening peaceful relations and stability in the region. The purpose of this article is a comparative analysis of the national economies of Israel and the UAE to understand the prospects and opportunities for the development of trade and economic cooperation between them and the existing level of economic interaction between the countries in the XXI century as prerequisites for its deepening in the future in a number of areas. The author believes that the similarity of the most important characteristics of the national economies of Israel and the UAE can become a very important factor in the stabilization and development of relations between the two countries in the economic sphere. The theoretical and methodological basis of the analysis is the research of experts, domestic and foreign, on the problems of research.

Keywords: *UAE, Israel, West Asia, trade and economic relations, economic growth, regional economy.*

JEL codes: *F14, F19, O53.*

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

Экономика Узбекистана и проблемы преодоления бедности*Насимов Икром Хусанович,¹*

Экономическая динамика Узбекистана растет за последние годы. Однако сохраняется ряд проблем, связанных, в частности, с высокой степенью бедности в ряде регионов страны. Для преодоления бедности в Узбекистане реализуются различные программы социальной поддержки, ориентированные на снижение уровня бедности, повышение реальных доходов населения и создание благоприятных условий для улучшения жизненного уровня по всей территории республики. Кроме того, реализуются меры по привлечению иностранных инвестиций в экономику страны и поощрения развития малого и среднего бизнеса. Изучение социально-экономических процессов в Узбекистане важно для определения причин и факторов бедности населения, а также для разработки и реализации эффективных мер борьбы с ней. Актуальность данной темы связана с тем, что бедность остается одной из наиболее острых проблем узбекского общества, что приводит к социальным и экономическим неравенствам, ухудшению здоровья, образования и жизненного уровня населения. Изучение социально-экономических процессов позволяет выявить общие тенденции развития экономики и социальной сферы, идентифицировать группы социально уязвимого и наиболее нуждающегося в поддержке населения, определить причины ухудшения экономического и социального благополучия населения. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации программ и проектов борьбы с бедностью, улучшения социальной защиты населения, повышения уровня жизни и благополучия граждан. Ежегодное изучение социально-экономических процессов в Узбекистане является важной задачей и может существенно помочь в достижении стратегических целей развития экономики и благополучия населения.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, проблемы бедности, причины бедности, преодоление бедности, источники преодоления бедности.

JEL коды: E21, E24, O53.

Введение

Проблема бедности традиционно остается важнейшей проблемой для мира, любого государства, для конкретной семьи и отдельного человека.

Бедность — это «значительное снижение благосостояния», то есть экономическое состояние, при котором отдельный человек или группа лиц не могут поддерживать и

¹ *Насимов Икром Хусанович* — PhD (экономические науки), доцент, кафедра экономики отраслей, факультет управления человеческими ресурсами, Самаркандский государственный университет, Самарканд, Узбекистан.

улучшать свою жизнь, трудоспособность, а также минимальные потребности, необходимые для продолжения и воспроизводства поколений (Kamilova, Nasimov, 2021).

Всемирный банк в 2022 г. установил показатель крайней бедности на уровне 2,15 доллара США на одного человека в день, заменяющий показатель крайней бедности в размере 1,90 доллара США, установленный ранее на основе ППС в 2017 г. (Справочный материал, 2022). ЦУР 1.1. предусматривает дальнейшее снижение уровня бедности в мире, которое уже фиксируется международными организациями, хотя в 2020 г. из-за глобальной пандемии процент людей, живущих за чертой бедности, увеличился во всех странах (Goal 1, 2022).

Хотя, согласно подходам международных организаций, Узбекистан не входит в группу беднейших стран мира, а является страной со средним уровнем доходов, проблема бедности здесь сохраняется. Доля бедных в Узбекистане имеет тенденцию к сокращению, хотя сегодня она выше, чем в мире в целом (14% в Узбекистане против 9% в мире в 2022 г.). Уровень бедности в стране за 2022 г. снизился с 17% до 14%. Задача сокращения бедности в Узбекистане является одним из важнейших направлений национальной политики (Обозначены возможности..., 2023). Однако в этой сфере остается еще довольно много проблем, которые охватывают ряд направлений, как будет показано в данной статье. На наш взгляд, снижение бедности в Узбекистане может быть эффективнее на уровне усиления международного сотрудничества, как с региональными государствами Центральной Азии, например, Таджикистаном, Казахстаном (который добился значительных успехов в борьбе с бедностью), Кыргызстаном, так и с внерегиональными, например, с Российской Федерацией.

Цель статьи — изучить те социально-экономические и другие процессы, которые обеспечивают сохранение бедности в Узбекистане, и выявить направления их преодоления.

Материалы и методы

Проблема социально-экономического развития и борьбы с бедностью в Узбекистане связана с различными теоретическими и практическими аспектами, в том числе экономическими, социальными и политическими.

В экономическом плане проблема бедности связана с низким уровнем экономического развития страны, недостаточным уровнем инвестиций и инноваций, а также ограниченными экспортными возможностями (Каримова, 2022). Для решения этой проблемы было разработано несколько государственных экономических программ, таких как Программа реформирования экономики и Рамочная программа по стратегическому развитию страны, направленных на увеличение инвестиций, улучшение бизнес-климата, развитие инфраструктуры и другие цели.

В социальном плане проблема бедности связана с неравенством в доступе к образованию и здравоохранению, низким уровнем занятости, а также социальным неравенством (Исхакова, 2019). Для решения этой проблемы была разработана Программа поддержки малого бизнеса и микрофинансовых институтов, направленная на создание новых рабочих мест и повышение уровня занятости.

В политическом плане проблема бедности связана с коррупцией (Ходжаев, 2023). Для устранения связанных с ней проблем была проведена реформа судебной системы и ряд других мероприятий.

Наконец, борьба с бедностью в Узбекистане имеет прямое отношение к экологическим проблемам страны. В течение многих лет экономический рост Узбекистана сопровождался экологическими проблемами, такими как загрязнение воздуха, воды и почвы, сокращение зеленых насаждений, деградация почв, эрозия и десертификация земель.

В то же время бедность в Узбекистане является одной из основных проблем, которые мешают развитию страны и благополучию многих ее жителей. Бедные люди живут в плохих условиях, часто не имея доступа к чистой воде, здравоохранению, образованию и другим необходимым услугам и ресурсам (Дустмурадов, Гулмуродов, 2020). Задача борьбы с бедностью должна быть интегрирована в национальные программы по экологии и устойчивому развитию.

Один из важных аспектов борьбы с бедностью в Узбекистане — это защита окружающей среды и улучшение экологического состояния страны. Этого можно достичь путем реализации таких мер, как повышение осведомленности населения о важности сохранения природных ресурсов, введение экологических стандартов для производственных предприятий, поддержка проектов по реставрации земель и заповедников, уменьшение выбросов токсичных веществ в атмосферу и т.д.

В результате улучшения экологического состояния Узбекистана уменьшится количество экологических бедствий и заболеваний, которые приводят к бедности. Таким образом, борьба с бедностью и улучшение экологического состояния страны тесно связаны между собой и должны рассматриваться в рамках комплексной программы по устойчивому развитию.

Следовательно, проблема социально-экономического развития и борьбы с бедностью в Узбекистане связана с различными аспектами и требует комплексного подхода для ее решения.

Результаты исследования

Экономика Узбекистана

Экономика Узбекистана активно развивается в XXI в., остается одной из крупнейших в Центральной Азии и имеет довольно разнообразную структуру. Она основана на широком спектре отраслей, включая нефть и газ, текстильное производство, химическую промышленность, энергетику, земледелие, сферу услуг и др. С 1992 г., после распада Советского Союза, экономика Узбекистана прошла серьезные структурные изменения, как видно в табл. 1. Страна начала переход от централизованной плановой экономики к рыночной. Из-за этих структурных изменений в период 1992–2000 гг. ВВП страны снизился на 55%, что связано с резким снижением производства в энергетической, добывающей и обрабатывающей промышленности страны, а также в сельском хозяйстве.

Однако с 2001 г. экономика Узбекистана начала постепенно восстанавливаться. Этому способствовали активное развитие нефтегазовой отрасли, химической и текстильной промышленности, а также рост сельского хозяйства и туризма. К 2020 г. ВВП Узбекистана достиг более чем 60 млрд долларов США. В 2022 г. рост экономики Узбекистана, по данным Всемирного банка, составил 5,7%. По прогнозам, на конец 2023 г. рост экономики Узбекистана сформируется в пределах 4,5–5%, а годовая инфляция — в пределах 8,5–9,5%.

Таблица 1.

Валовой внутренний продукт: ВВП по видам расходов и по видам экономической деятельности

	1992	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВВП	16509,53	16520,38	50010	86196,26	86138,29	62081,32	52633,14	59907,67	59894,31	69238,9
Расходы на конечное потребление	11484,63	14490,94	37020,35	67681,19	69283	47655,03	39607,21	45225,51	44788,67	52499,02
Потребительские расходы домашних хозяйств	8697,78	11897,61	30766,46	55943,95	57103,07	39835,55	32521,44	35512,18	35095,67	40937,2
Расходы на конечное потребление общего правительства	2786,848	2593,325	6253,889	11737,24	12179,93	7819,481	7085,772	9713,334	9692,997	11561,82
Валовое накопление капитала	7566,662	3375,312	13591,82	22706,97	22188,58	18088,22	19670,04	25204,13	24062,63	28097,99
Валовое накопление основного капитала	4173,625	3793,337	11297,61	19041,25	18673,54	15117,45	16593,87	23610,03	22037,2	24338,3
Изменения в товарно-материальных запасах	3393,037	-418,025	2294,207	3665,722	3515,042	2970,767	3076,168	1594,091	2025,425	3759,693
Экспорт товаров и услуг	4662,595	3651,557	12140,13	11866,03	10623,49	12880,67	14190,89	17026,6	14547,17	16436,73
Импорт товаров и услуг	5678,174	3513,753	12492,73	14639,76	14522,25	16784,68	23455,56	26620,51	22604,83	27794,84
Общая добавленная стоимость	14004,37	15440,86	44383,9	79255,55	79432,28	56060,7	47973,56	56235,07	57218,91	66237,7
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	4871,035	7828,743	13463,71	25187,17	25218,41	17791,56	14085,04	14745,96	15046,31	17297,62
Промышленность	5415,338	2479,837	10616,88	19411,8	19743,99	14626,66	14611	18864,16	18970,71	22188,57
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, коммунальные услуги	4108,032	1706,732	8234,404	14979,28	15309,96	11648,77	11872,18	15401,88	15236,12	17871,48
Производство	2697,44	1091,867	5091,586	11041,28	11761,34	8577,023	8547,105	10722,19	11761,25	13830,49
Строительство	1307,307	773,1046	2382,476	4432,515	4434,031	2977,892	2738,813	3462,281	3734,586	4317,096
Услуги	3717,996	5132,283	20303,31	34656,59	34469,88	23642,48	19277,52	22624,94	23201,89	26751,5
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	1100,006	1537,743	3790,323	6287,149	6325,055	4212,188	3314,648	3678,006	3713,978	4484,444
Транспорт, хранение и связь	717,4666	1082,12	4648,814	7460,392	7120,136	4948,409	3793,988	4145,217	3891,47	4604,506
Другие виды деятельности	1900,523	2512,42	11864,17	20909,05	21024,69	14481,88	12168,88	14801,72	15596,44	17662,55

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Одним из важных изменений в структуре экономики Узбекистана была смена уклада в земледелии. Первоначально страна ориентировалась на выращивание хлопка, но в последнее время активно развивается производство фруктов и овощей.

Важно отметить, что экономика Узбекистана в настоящее время продолжает реформироваться и наращивать производственный потенциал (Ziyodilloev et al., 2020). В частности, правительство страны объявило о значительных инвестициях в развитие транспортной инфраструктуры, энергетики, инноваций и других отраслей. Это включает строительство новых автодорог, железных дорог, газопроводов и энергетических мощностей. Эти инвестиции имеют потенциал для ускорения развития экономики Узбекистана в будущем. Правительство Узбекистана также начало активно инвестировать в научные исследования и развитие технологий. В 2018 г. был создан Национальный инновационный центр, который предназначен для поощрения разработки новых технологий и содействия росту инновационной экономики в стране, включая цифровые аспекты (Mirzakarimova, Narmanov, 2021). Узбекистан стал активно осуществлять экспорт своих ресурсов, включая газ и нефть. Это позволило стране увеличить свой экономический рост, но также сделало ее более уязвимой к изменениям цен на мировом рынке. Наконец, в последние годы экономика Узбекистана начала привлекать все больше иностранных инвесторов, и не только большие транснациональные компании, но и малые и средние предприятия, которые видят в Узбекистане новый и перспективный рынок.

Проблема бедности: причины и источники преодоления

В целом, экономика Узбекистана за последние годы прошла через существенные изменения и имеет перспективы для дальнейшего развития. Однако при этом остаются некоторые вызовы, включая проблему бедности (табл. 2).

Таблица 2.

Основные причины бедности в странах Центральной Азии

Страны	Основные причины бедности
Казахстан	Сильная социально-экономическая дифференциация; крупные города — Астана и Алматы — живут лучше, чем остальные регионы. Наибольшая численность бедного населения сосредоточена в сельской местности — в Туркестанской, Жамбыльской и Карагандинской областях (кроме Караганды).
Кыргызстан	Недостаточное развитие сельского хозяйства, зависимость от денежных переводов и туристической отрасли, высокий уровень коррупции, высокий уровень рождаемости.
Туркменистан	Долгосрочный социально-экономический, в том числе продовольственный, кризис, давление на частный бизнес и очень высокая налоговая нагрузка на предприятия нефтегазового комплекса (ключевого для страны), коррупционная составляющая.
Таджикистан	Сохранение сельскохозяйственного характера экономики вызывает сезонную и «погодную» бедность, невысокий уровень образования, проблемы в сфере частного бизнеса.
Узбекистан	Городские жители страдают от бедности больше, чем живущие в сельской местности, распространение естественных монополий, низкий уровень и качество образования.

Источник: составлено автором по: РСМД, 2022.

Источники преодоления бедности, на наш взгляд, можно разделить на внутренние и внешние (региональные и внерегиональные).

Так, в Узбекистане существует несколько направлений преодоления бедности за счет внутренних источников:

- Развитие малого и среднего бизнеса — правительство активно поддерживает развитие данного сектора экономики, создавая условия для предпринимательской деятельности, в том числе предоставляет льготы и субсидии для малых и средних предприятий (Narmanov, 2020).

- Создание новых рабочих мест — государство проводит политику развития экономики, которая направлена на увеличение числа рабочих мест для граждан, активно проводит социальные программы по трудоустройству молодежи, женщин и людей с ограниченными возможностями.

- Развитие сектора услуг — особое внимание уделяется развитию туризма, транспортной и логистической инфраструктуры, образовательных и медицинских услуг, что способствует росту экономики и созданию новых рабочих мест. Узбекистан имеет богатое культурное наследие, которое привлекает многих туристов. Развитие туризма позволяет увеличивать доходы населения, создавать новые рабочие места и развивать социальную инфраструктуру.

- Развитие сельского хозяйства — правительство активно поддерживает сельское хозяйство, создавая условия для развития сельскохозяйственных производств и новых технологий, повышая посевные площади и улучшая качество продукции.

- Экспорт товаров. Узбекистан является крупным экспортером хлопка, золота, нефти, газа и других товаров. Это позволяет получать доходы в иностранной валюте (см. табл. 1) и улучшать экономическое положение в стране.

- Социальные программы — государство проводит активную политику, направленную на увеличение заботы о населении, предоставляя льготы и социальную поддержку малообеспеченным семьям и малоимущим гражданам, а также улучшая ситуацию в образовательной сфере.

- Развитие инновационного сектора. Государство уделяет в последние годы развитию инновационного сектора и уже получает определенные результаты в этой сфере. Так, Индия, Исламская Республика Иран и, впервые, Узбекистан (82-е место) и Пакистан (87-е место) возглавляют рейтинг в регионе Центральной и Южной Азии по ГИИ. В ГИИ–2022 насчитывается 26 стран с опережающими показателями инноваций в своей категории экономического развития, включая впервые проявившие себя в этом качестве Индонезию, Узбекистан и Пакистан. Развитие инновационного сегмента может улучшить качество человеческого капитала, что, в свою очередь, требует улучшения состояния образования в стране (Асмятуллин, 2022).

В Узбекистане существует и ряд возможностей использования внешних источников преодоления бедности:

- Иностранные инвестиции. Республика Узбекистан, наряду с Казахстаном, остается одной из наиболее привлекательных в инвестиционном плане республик Центральной Азии и активно привлекает иностранные инвестиции для развития экономики страны. Это позволяет создавать новые рабочие места, увеличивать производство и улучшать жизнь населения, хотя процесс этот идет нестабильно на протяжении исследуемого периода (рис.

1), так как на различных этапах изменения в экономической политике Узбекистана оказывали значительное влияние на динамику ПИИ за последние 28 лет.

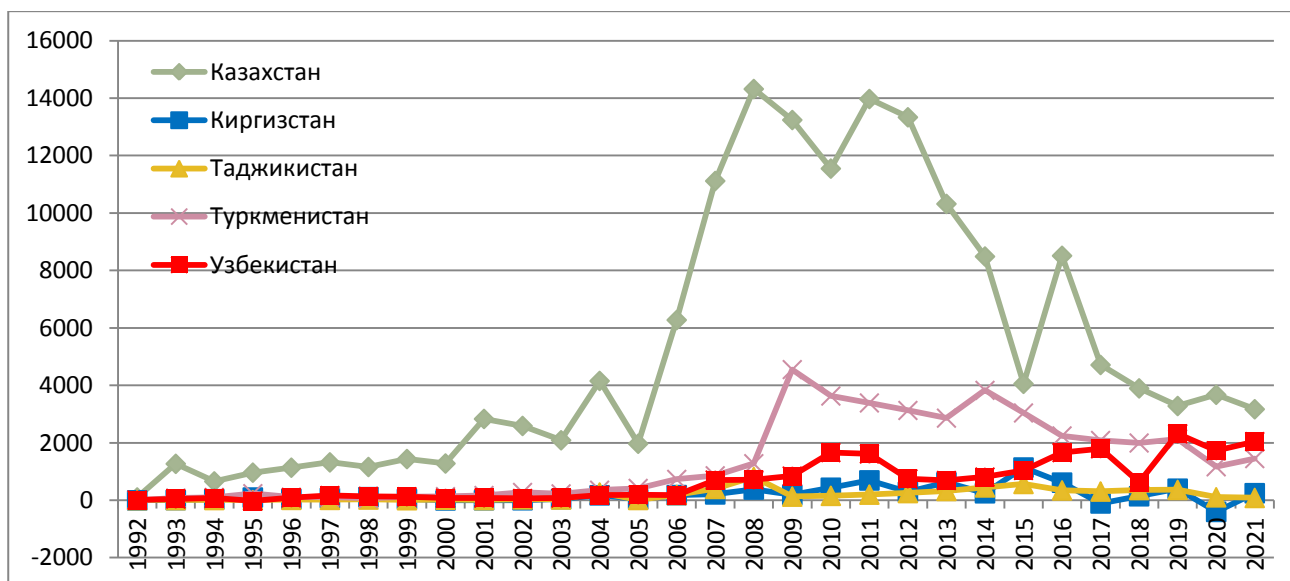

Рис. 1. Динамика притока ПИИ в страны ЦА в 1992–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Как видно из рис. 1, в начале 1990-х гг. после распада СССР, Узбекистан столкнулся с серьезными экономическими проблемами. Это привело к общему снижению уровня ПИИ в стране, и он был на своем историческом минимуме в 1995 г. (минус 1582 долларов на душу населения).

В 1991 г., после провозглашения независимости, Узбекистан перешел на систему рыночной экономики, что вызвало нестабильность и инфляцию. Однако в середине 1990-х гг. правительство Узбекистана осуществил серию экономических реформ, которые замедляли инфляцию и стабилизировали экономику страны.

В 2002 г., в ходе дальнейших экономических реформ, включая либерализацию рынка и снижение налогов, ПИИ в Узбекистане существенно возрос — 3011 долларов на душу населения.

В 2016 г. президентом стал Шавкат Мирзиёев. Он начал проводить реформы, направленные на развитие экономики, расширение торговых и экономических связей с другими странами. Произошел рост обмена товарами и услугами, особенно с Китаем, республика «поймала волну» инновационного развития и поддержки стартапов. Это привело к дальнейшему увеличению ПИИ в стране — в 2019 г. они достигли 3530 долларов на душу населения. Узбекистан намерен привлечь прямые иностранные инвестиции (ПИИ) на сумму 11 млрд долларов к концу 2023 г. (Uzbekistan aims..., 2023).

В 2022 г. крупнейшие страны-инвесторы в Узбекистан распределились следующим образом: 1-е место: Россия — 20,3%; 2-е место: Китай — 16,4%; 3-е место: Турция — 10,1%; 4-е место: Германия — 6%; 5-е место: Саудовская Аравия — 6%; 6-е место: США — 3,8% (Россия обогнала Китай..., 2023).

Кроме того, стабильность и уверенность в экономике Узбекистана после прихода к власти президента Шавката Мирзиёева привлекли большой интерес со стороны иностранных инвесторов и бизнесменов, что также способствовало росту объемов ПИИ.

Итак, ПИИ в Узбекистане постепенно увеличивался за последние 28 лет под влиянием экономических реформ и смены политических лидеров. Несмотря на это, уровень ПИИ в Узбекистане все еще значительно ниже, чем в развитых странах мира, и есть еще много возможностей для улучшения экономического развития.

- Еще одним важным фактором внешней поддержки развития остаются частные денежные переводы трудовых эмигрантов, поддерживающих свои семьи в Узбекистане (рис. 2). Как видно из анализа статистических данных, в период с 2000 по 2021 гг. объем частных денежных переводов в Узбекистан и другие страны ЦА постоянно рос. В 2000 г. объем переводов составил около 250 млн долларов США, к 2021 г. этот показатель превысил 9 млрд долларов США, а в 2022 составил 14 млрд.

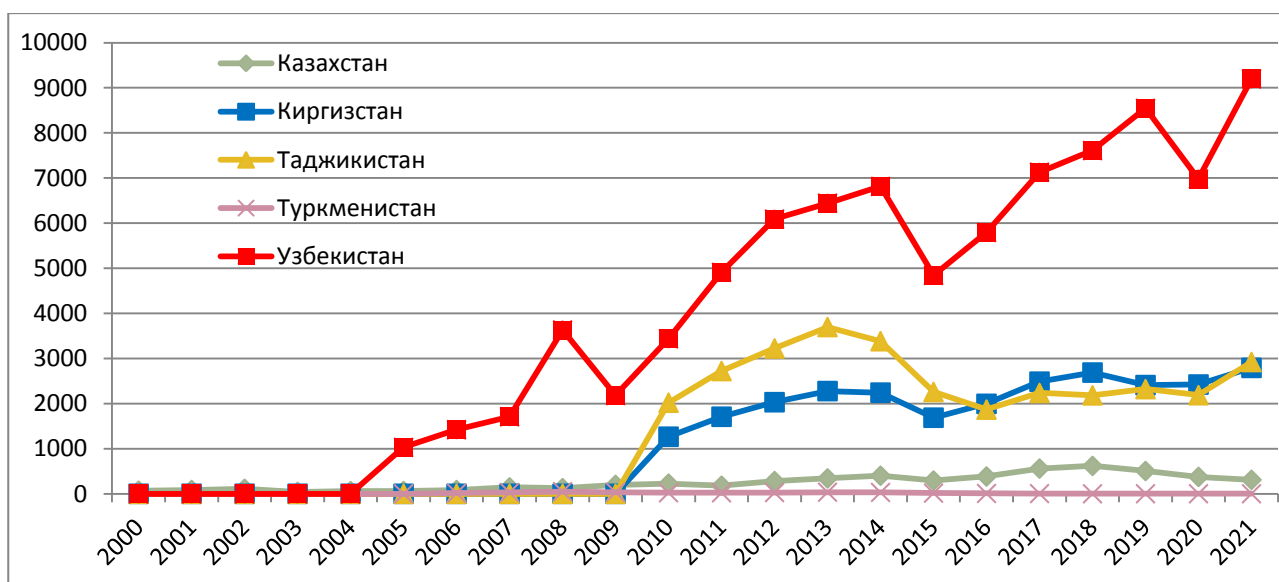

Рис. 2. Динамика личных денежных переводов в Узбекистан и другие страны ЦА в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Рост объемов переводов связан с несколькими причинами. Во-первых, в странах Центральной Азии наблюдается высокая занятость трудовых мигрантов, работающих на строительных объектах, в быту и сфере услуг и других отраслях экономики. Многие из этих работников отправляют деньги своим семьям в родной Узбекистан и другие страны ЦА.

Во-вторых, технически частные денежные переводы стали более возможными благодаря развитию технологий. Электронные системы денежных переводов, такие как *Western Union*, *MoneyGram* и другие, позволяют быстро и удобно отправлять деньги в любую точку мира. Частные денежные переводы в Узбекистан и другие страны ЦА в период с 2000 по 2020 гг. осуществляются с помощью традиционного использования платежных систем *Western Union*, *MoneyGram* и *Ria Money Transfer*, а также развитием собственных платежных систем и увеличением использования электронных денежных переводов.

Таким образом, объемы частных денежных переводов в Узбекистан и другие страны ЦА продолжают расти, и эта тенденция сохранится в будущем благодаря устойчивому развитию экономик принимающих стран и увеличению количества трудовых мигрантов.

- Международные программы помощи. Узбекистан участвует в различных международных программах помощи, направленных на борьбу с бедностью и обеспечение социальной защищенности населения, среди которых можно выделить такие, как:

- Программа развития ООН (*UNDP*) осуществляет проекты по бедности, ресурсам и среде, управлению и укреплению мира в Узбекистане.

- Международный фонд помощи детям ООН (*UNICEF*) работает в Узбекистане в области охраны здоровья матерей и детей, водоснабжения и канализации, образования, детских прав и защиты от насилия.

- Всемирный банк поддерживает Узбекистан в области развития экономики, укрепления социальной защиты, модернизации государственного управления и повышения качества жизни.

- Европейский Союз финансирует проекты по улучшению управления, развитию человеческих ресурсов и повышению производительности в сельском хозяйстве.

- Международная организация труда (МОТ) поддерживает Узбекистан в различных проектах по содействию занятости, улучшению условий труда и экономической стабильности.

- Азиатский банк развития (*ADB*) финансирует различные проекты по сокращению бедности и экономическому развитию в Узбекистане (Anderson et al., 2020).

- Группа Всемирного банка намерена поддержать усилия правительства по продвижению социально-экономического развития Узбекистана в 2022–2026 гг., чтобы Узбекистан вдвое сократил бедность к 2026 г. и стал страной с доходом выше среднего к 2030 г. (World Bank Group, 2021).

За счет многих из этих программ Узбекистан получает финансовую помощь, которая направляется на поддержку социальных программ, медицинской помощи и образования.

- Внешняя финансовая помощь (официальная помощь развитию) не только от различных международных организаций, но и государств. Узбекистан получал официальную помощь развития от зарубежных государств в период 2000–2022 гг. В частности, страна принимала финансовую, техническую и экономическую помощь от многих международных организаций и государств, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, Япония, Китай, США, Германия, Франция, Россия и т.д. Помощь направлялась на различные сферы, такие как улучшение условий жизни, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, транспорт, энергетика и другие.

- Сотрудничество в рамках ШОС, участником которого является Узбекистан, также содействует сокращению бедности в стране путем стимулирования экономического роста, создания новых рабочих мест и роста объемов иностранных инвестиций, осуществляемых странами ШОС.

Заключение

Борьба с бедностью является одной из основных задач Узбекистана по нескольким причинам:

Бедность остается одной из основных проблем в стране. Около 12% населения Узбекистана живут за чертой бедности, не имея достаточного дохода для обеспечения своих базовых потребностей.

Бедность оказывает отрицательное влияние на экономику страны. Люди, живущие в бедности, не могут потреблять товары и услуги, что приводит к снижению спроса и развитию экономической нестабильности.

Бедность ограничивает возможности развития человеческого капитала. Люди, живущие в бедности, мало образованы и не могут получить хорошие профессиональные и карьерные возможности.

Бедность ассоциируется с неравенством и социальной несправедливостью. Поэтому борьба с бедностью является частью стратегии обеспечения социальной справедливости и равенства.

Наконец, бедность является своего рода противоречием традиционным ценностям узбекского общества, в котором большое значение придается семейным ценностям и заботе о близких. Поэтому борьба с бедностью является необходимой составляющей стратегии укрепления общества и его сохранения в будущем.

Среди направлений борьбы с бедностью, на наш взгляд, важно уделять внимание как развитию внутренних возможностей, так и внешних источников (внешнеэкономический сектор и международная помощь развитию). Поскольку бедность — это комплексная проблема, то и решать ее следует комплексно.

Список литературы

1. Асмятуллин Р. Р. (2022) Особенности цифровизации образования в Узбекистане // Россия и Азия. № 7 (21). С. 41–53. [Asmyatullin R. R. (2022) Features of digitalization of education in Uzbekistan // Russia and Asia. No. 7 (21). Pp. 41–53. (In Russian).]
2. Исхакова С. А. (2019) Структура и источники доходов населения в Узбекистане // Экономика и предпринимательство. № 3 (104). С. 175–179. [Iskhakova S. A. (2019) Structure and sources of income of the population in Uzbekistan // Economics and entrepreneurship. No. 3 (104). Pp. 175–179. (In Russian).]
3. Дустмуратов О. И., Гулмуродов К. А. (2020) Уровень бедности в Узбекистане и пути по его снижению // Academy. № 4 (47) С. 15–17. [Dostmuradov O. I., Gulmurodov K. A. (2020) The level of poverty in Uzbekistan and ways to reduce it // Academy. No. 4 (47) Pp. 15–17. (In Russian).]
4. Каримова Д. (2022) Государственная политика по борьбе с бедностью в Узбекистане: история, текущая ситуация и перспективы // Экономика: анализы и прогнозы. № 3 (19). С. 177–183. [Karimova D. (2022) State policy to combat poverty in Uzbekistan: history, current situation and prospects // Economics: analyses and forecasts. No. 3 (19). Pp. 177–183. (In Russian).]
5. Обозначены возможности в сфере обеспечения занятости населения, 2023. [Identified opportunities in the field of employment, 2023. (In Russian).] URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5839>
6. Россия обогнала Китай по инвестициям в Узбекистан, 2023. [Russia has overtaken China in terms of investments in Uzbekistan, 2023. (In Russian).] URL: https://forbes.kz/news/2023/02/19/newsid_295424

7. РСМД (2022) Факторы бедности в странах Центральной Азии. [Russian Council for International Affairs (2022) Poverty factors in Central Asian countries. (In Russian).] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prichiny-i-sledstviya-sistemnoy-bednosti-v-tsentralnoy-azii-vzglyad-iz-2022/>

8. Справочный материал: Корректировка значений международной черты бедности [Reference material: Adjusting the values of the international poverty line. (In Russian).] URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2022/05/02/fact-sheet-an-adjustment-to-global-poverty-lines>

9. Хаджаев Х. С. (2023) Бедность и цели сокращения бедности в Узбекистане / В сборнике: Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Отв. редактор В. И. Герасимов. Москва. С. 352–354. [Khodjaev H. S. (2023) Poverty and poverty reduction goals in Uzbekistan / In the collection: Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Materials of the Fifth International Scientific and Practical Conference "Greater Eurasia: National and civilizational aspects of development and cooperation". Editor V. I. Gerasimov. Moscow. Pp. 352–354. (In Russian).]

10. Anderson K., Ginting E., Kiyoshi Taniguchi. (2020) Uzbekistan: Quality Job Creation as a Cornerstone for Sustainable Economic Growth. Country Diagnostic Study. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/605746/uzbekistan-job-creation-economic-growth.pdf>

11. Goal 1: End poverty in all its forms everywhere. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/poverty/>

12. Kamilova N. A., Nasimov I. Kh. (2021) Interpretation of the concept "poverty" and increasing the welfare of the population of Uzbekistan // International Journal of Academic Accounting Finance & Management Research. Vol. 5. Is. 1. January. P. 11–13.

13. Narmanov U. A. (2020) Measures to Ensure Employment in Uzbekistan Through the Support of Small Business and Entrepreneurship // Indonesian Journal of Innovation and Applied Sciences (IJIAS). Vol. 1. Is. 2. Pp. 69–72. DOI: 10.47540/ijsei.v1i2.16

14. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

15. Uzbekistan aims to raise \$11bn FDI in 2023. URL: <https://daryo.uz/en/2023/02/28/uzbekistan-to-attract-11-billion-in-foreign-direct-investment-in-2023>

16. World Bank Group Consultations: Uzbekistan Country Partnership Framework for 2022–2026. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/brief/cpf-consultations>

17. Ziyodilloev Kh., Shomurodov T., Qingjie Zh., Hongen Y. (2020) Analyzing Characteristics and Trends of Economic Growth in the Sectors of National Economy of Uzbekistan // Advances in Economics, Business and Management Research. Vol. 146. Pp. 132–137. DOI: 10.2991/aebmr.k.200708.026

The economy of Uzbekistan and the problems of overcoming poverty,

Ikrom Khusanovich Nasimov

PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Department of Economics of Branches of Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan.

The economic dynamics of Uzbekistan has been growing in recent years. However, there are still a number of problems associated, in particular, with a high degree of poverty in a number of regions of the country. To overcome poverty, various social support programs are being implemented in Uzbekistan, aimed at reducing poverty, increasing real incomes of the population and creating favorable conditions for improving living standards throughout the republic. In addition, measures are being implemented to attract foreign investment into the country's economy and encourage the development of small and medium-sized businesses. The study of socio-economic processes in Uzbekistan is important for determining the causes and factors of poverty of the population, as well as for the development and implementation of effective measures to combat it. The relevance of this topic is related to the fact that poverty remains one of the most acute problems of Uzbek society, which leads to social and economic inequalities, deterioration of health, education and living standards of the population. The study of socio-economic processes makes it possible to identify general trends in the development of the economy and the social sphere, identify groups of socially vulnerable and most in need of support of the population, identify the causes of deterioration of the economic and social well-being of the population. The research results can be used to develop and implement programs and projects to combat poverty, improve social protection of the population, and improve the standard of living and well-being of citizens. The annual study of socio-economic processes in Uzbekistan is an important task and can significantly help in achieving the strategic goals of economic development and the well-being of the population.

Keywords: *Uzbekistan, Central Asia, socio-economic dynamics, problems of poverty, overcoming poverty.*

JEL codes: *E21, E24, O53.*

Digitalization of finance in the GCC countries: current trends and challenges

*Byasharova Adilya Rashidovna*¹

The relevance of the article lies in the need to explore new trends and processes in the GCC in connection with the digitalization of various areas of the world economy, especially finance. The purpose of the article is to analyze the digitalization of the financial sector in the GCC countries. The article shows that the growing volatility of the world economy has negative consequences for the countries of this group. In the 21st century, the GCC is facing economic crises caused by the global crisis of 2008, the decline in world oil prices in 2014–2016, political instability in the region, and the negative consequences of the global COVID–19 pandemic. All these created difficulties both for the economy and for the citizens of the GCC. The article shows that the GCC countries strive to develop new mechanisms for stabilizing the socio-economic situation, primarily associated with digital opportunities. Of these, the financial sector has priority as it directly impacts social and economic processes. The novelty of the article lies in the study of new mechanisms the GCC countries may use to carry out the digitalization of the financial and banking sector and the new opportunities that the use of digital mechanisms can provide.

The result of the study: The authors found that the GCC countries are intensifying the implementation of digital tools in the economic and financial spheres and regional interaction in the digital segment, both among the countries themselves and with third countries. In the study, the authors used statistics from UNCTAD, the Global Findex Database, and previous research on the subject.

Keywords: *Western Asia, GCC, economic development, digitalization, finance, banking.*

JEL codes: *F30, F40, O53.*

Introduction

Digitalization as a global process has become widespread in the world since the beginning of the 21st century, although the practical foundations of digitalization were laid through the spread of computer technology and the creation of the World Wide Web at the end of the 20th century. Digitalization transforms economic, social, technological, and managerial processes and significantly accelerates them, often giving a new quality and raising them to a new level. The researchers note that "The digital economy ... simultaneously creates new production opportunities, and qualitatively new goods and services based on new technologies, and qualitatively new types of interconnection (trade) of the countries of the world through new technical capabilities, further reducing distances and time" (Shkvarya & Frolova, 2022).

Digitalization processes are actively observed due to their significance and wide distribution by scientists worldwide. Scholars highlight "five major technological trends collided to shape what is becoming known as the digital economy: hyperconnectivity, supercomputing, cloud computing,

¹ *Byasharova Adilya Rashidovna* — PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

cybersecurity, and smart products" that have created a world where "traditional boundaries between products and service offerings no longer exist, ... which is more compatible, intelligent and responsive" (Andreeva et al., 2020).

Digital processes have noticeably intensified due to the spread of the global COVID–19 pandemic, which caused lockdowns and the need for "remote" economic and financial activities in many countries of the world. This situation has been the subject of research by scientists who evaluate it as a catalyst for digital development in general (Shkalkenko, & Fadeeva, 2020) and in individual countries (Shkvarya & Hailing, 2021) and regions (Gackstatter et al., 2014). Experts note that "the technological revolution and accelerated adoption of digital solutions as a result of the COVID–19 pandemic are transforming access to finance» (Demirgüç-Kunt et. al., 2021).

Indeed, these processes are most active globally and/or in the most innovative and technologically advanced countries and regions, for example, in the U.S., China, and the EU. Accordingly, to the greatest extent, digital processes affect precisely international types of economic activity, such as international trade, international logistics, international finance, and banking. Scientists and experts have studied all these aspects and their impact on the national economy of individual countries for almost a quarter of a century.

Several studies by various scientists are devoted to the analysis of the development of digitalization in the financial and banking sector since "Digital transformation (digitalization) of the financial industry leads to a profound change in the models of interaction between financial market participants" (Kotlyarov, 2020).

Moreover, the digitalization of finance can affect not only most countries of the world but also most of the world's population while maintaining regional features in terms of pace, coverage, gender, and structural aspects. In this regard, researchers analyze the features of the digitalization of Islamic finance (Nagimova, 2022); the specifics of the financial technology market in North America (Kotlyarov, 2020); the digital transformation of the Russian financial services market (Maramygin et al., 2019) in search of the common and the special features.

Available data suggests that households and businesses with access to financial services are better able to withstand financial shocks than those without such access (Moore, et al., 2019).

In addition, digitizing government payments can reduce administrative costs and lost revenue (payments that do not reach the intended beneficiaries) (Aker et al., 2016; Muralidharan et al., 2016).

Digitalization, which is spreading in the global economy, covers more and more thoroughly and deeply, along with other countries and regions of the world, the States of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf. The Organization of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf (GCC) was established in 1981 by countries such as Bahrain, Qatar, Kuwait, Oman, Saudi Arabia and the United Arab Emirates to promote economic integration in the region. Today, digitalization is one of the directions of integration of the GCC countries. It opens up new opportunities for the GCC countries, and researchers from different countries analyze the experience of digitalization in the GCC region in the financial sphere (Nagimova, 2022), in the process of economic diversification (Aidrous et al., 2021), formation of "smart cities" (Asmyatullin et al., 2020). Various factors (such as the COVID–19 pandemic, the growth of global instability and the energy crisis) are increasing the use of digital technologies in various fields of activity in the GCC countries.

However, studies of digitalization processes in the GCC countries are still insufficient. This does not allow the scientific community to study more deeply the practice of digitalization in the

GCC, to identify its patterns and features. Therefore, the study of the mechanisms, achievements, and opportunities of the digitalization process in the GCC countries as a long-term trend is relevant and timely.

In this article, we will analyze the prerequisites and directions of digitalization in the GCC, investigate which affect digitalization and the results that have already been obtained. We will also pay attention to identifying the problems and prospects of digitalization in the GCC.

Methods

The structure of the work corresponds to the purpose and objectives of the study. We analyze the socio-economic dynamics of the GCC countries in 2000-2021 in order to understand long-term trends and exclude the influence of random factors. For statistical analysis, we use the traditional GDP indicator, which gives the most complete picture of the volume of all goods and services produced in the economy during the year, as well as its annual change, which gives an idea of the dynamics of this indicator and reflects the fundamental general economic processes. Next, we will explore digital processes in the financial segment of the GCC countries. To do this, we analyze the number of financial organizations using fintech and the change in the volume of investments in these organizations. This allows us to form an idea of how deep qualitative transformations are taking place in the financial sphere of the GCC in the direction of digitalization. The article uses a comparative method, as we compare the economic situation in different countries and in different years. Using the method of economic analysis, we identify the factors that have the greatest impact on the change in the studied indicators. For greater clarity, we have applied the visualization method. The study was conducted using data from the Global Findex Database, which is widely used by researchers, policy makers and practitioners to monitor changes in the area under consideration, as well as data from the international database of UNCTAD, which gives an idea of the dynamics of the main macroeconomic indicators.

Results

The following results have been obtained during the study.

First, the attention should be focused on the fact that the GCC countries are a region with a rapidly but unevenly growing economy.

The total GDP in the GCC has grown from 379,264 million dollars to 1,408,607 million dollars, i.e., 3.7 times over the 20 years since the beginning of the new century. World GDP increased from 33727009 million dollars to 85328323 million dollars, i. e. 2.5 times for the same period. In other words, the GCC's GDP grew faster, although it is differentiated by country. As a result, the share of the GCC GDP in the world gross product was 1.1% in 2000, and in 2020 it reached 1.7%; the maximum contribution of the GCC GDP to the world indicator exceeded 2% in 2012–2014. The GCC's GDP volume in 2014 was the highest in 20 years. The fall in hydrocarbon prices in 2015–2016 and the recession due to COVID–19 in 2019–2020 led to a general decrease in absolute and relative indicators. Moreover, while global GDP declined in 2019–2020 by 2.8%, the total GDP in the GCC fell by more than 16%.

Thus, GDP in the GCC has been subject to significant ups and downs over the past 20 years (Figure 1). Moreover, Figure 1 shows that the time between each subsequent recession is reducing, and the duration of the recession is increasing. In addition, the "peaks" of recovery are getting lower

for four out of six countries; the maximum that was reached in 2014 was not overcome in 2020 either. This shows the vulnerability of this group of states and their very high dependence on the global dynamics of the world market, the global financial system, and its "state of health". Therefore, countries face the challenge of reducing such volatility and dependency. In the 21st century, digitalization is one of the effective mechanisms for this, as established empirically. Saudi Arabia, and especially the United Arab Emirates, outperformed 2014 GDP mainly due to economic diversification and financial development, including digitalization.

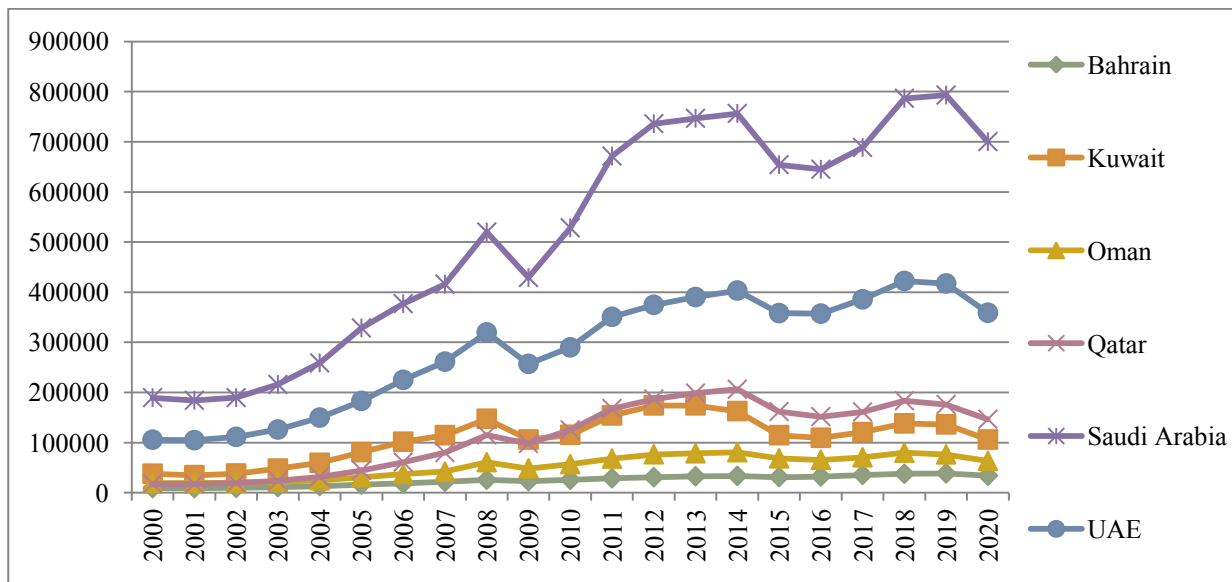

Figure 1. Dynamics of GDP production in the GCC countries in 2000–2020, million dollars. Source: Compiled by the author based on UNCTAD data.

The implementation of digitalization is vital for the GCC countries now. Being oil-exporting and highly dependent on the global hydrocarbon market, the GCC countries are forced to actively introduce new, primarily digital, opportunities and digital identification to stabilize socio-economic processes (Al-Khouri, 2014).

The GCC countries are introducing digital technologies in various sectors of the national economy. However, according to experts, funding for digital transformations in the financial sector and e-education and commerce is growing faster. Digitalization in the financial sector has already been widely developed in several countries and is being translated by them through international interaction into developing regions (Ramadan Elaiess, 2017). In turn, the GCC countries are a bridge for the spread of digitalization to the less developed Arab states through financial interaction and investment, banking, insurance, and venture business. Thus, the digitalization of finance in the GCC is of particular importance for the states under consideration and other developing Islamic countries in the region and beyond, as it is stabilizing their socio-economic development.

According to K. Kelly, the GCC fintech industry is growing at an aggregate rate of 30 percent annually and receiving unprecedented venture capital funding. In addition, the number of initiatives in this rapidly growing sector is expected to increase by 50 percent over the next five years (Kelley, 2022). By 2025, more than 40% of all ICT investment in the region will be directed toward digital transformation efforts. The projected capital funding for fintech in the GCC countries is likely to exceed 2 billion dollars by the end of 2022, as shown in Fig. 2 (Malyshev, 2022).

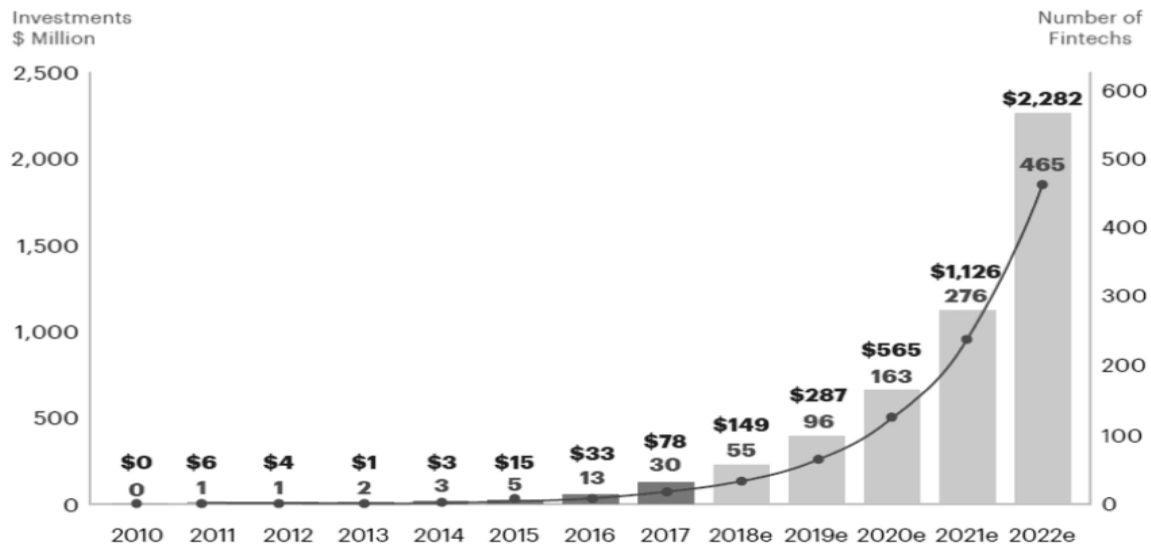

Figure 2. The volume of investments and the number of fintech organizations in the GCC countries in 2010–2018 and assessment until 2022, million dollars and units.

Source: Malyshev, 2022.

The financial sector of the GCC countries has its specifics, and they affect regional digital processes in the financial sector.

First, Islamic banking (there are some GCC banks that have existed for over 200 years), widespread in the GCC and many other Islamic countries, moves away from receiving interest. Furthermore, while the GCC's rapidly growing and young populations are getting more digitally ready and worried about losing their mobile phone than their wallet, some religious questions remain. Therefore, the financial sector in the GCC countries and the capital markets, still lags in terms of development behind Western countries, for example, the EU and the U.S. But it is important to note that all countries in the region are significantly differentiated in terms of the level of development of their financial markets.

Secondly, many GCC countries lack comprehensive and full-scale national strategies for the digital development of the financial sector. At the same time, national programs and strategies for the development of economies and some digital areas exist. So, Qatar adopted the E-Government 2020 strategy (2015); in 2017 the UAE adopted the Fourth Industrial Revolution Strategy; E.Oman Strategy was adopted. However, updates to these programs have not taken place in most countries except the UAE and Bahrain. The UAE launched the 7-year National Innovation Strategy (National Agenda 2021) and adopted the Artificial Intelligence Strategy 2031, and in 2018 the Emirates Blockchain Strategy 2021 (Emirates Blockchain Strategy 2021). Bahrain has adopted a national strategy Bahrain's Vision 2030, which aims to develop programs to create new digital opportunities, including banking (Bignell, 2021). In the rest of the Gulf countries, the lack of attention at the government level to the problems of digitalization of the financial sector, in our opinion, slows down the implementation of digital technologies in the GCC regional financial and banking sectors, thereby harming socio-economic stability.

However, Saudi Arabia, for example, has begun licensing banks whose activities are carried out exclusively in a "digital format". The first digital bank in the Kingdom was Saudi Telecom Bank (STC Bank). As of 2022, 3 digital banks have already received special licenses. Another 19

financial companies have been licensed to carry out various digital financial activities, such as digital insurance, consumer microfinance, and others. Bahrain, which is making efforts to become a digital financial centre of the GCC, already carried out the first real-time money transfer service in the region in 2015.

Researchers believe that these "neobanks" will be able to significantly transform the financial sector of the GCC countries in the direction of its digitalization in the short term (Kumar, & Blechta, 2022). The demand for digital banking services is growing in Saudi Arabia and the region. Today, 96% of the GCC population is ready to quickly carry out digital transactions using only the Internet and digital gadgets. Digital contactless banking allows consumers to get financing faster, pay for purchases, and control income and expenses. Particularly important are the opportunities to reduce the financing gap for small and medium-sized enterprises and private businesses, the development of which in Saudi Arabia and other Gulf countries is prioritized. In addition, digital banking allows labour migrants to transfer payments to other countries. In 2020, compared to 2016, the online services index in the GCC countries, a multifactorial indicator that measures the quality of e-government, increased by 10% (Haddad et al., 2022). On the other hand, digitalization helps financial structures to reduce maintenance costs, for example, a large number of territorial branches with their staff, which, in turn, increases the competitiveness of "digital banks." Digital banks operate today in all GCC countries. Autonomous digital platforms are developing, as well as cloud services. Experts estimate that total public cloud spending on GCC will more than double in the coming years, from 956 million dollars in 2020 to 2.5 billion dollars by 2024 (Haddad et al., 2022).

Thirdly, all countries of the region are differentiated in terms of the level of digitalization. The UAE ranks first among the Arab countries of the Middle East and North Africa in terms of digital adoption. According to this indicator, the Emirates are approaching the world's leading states. In addition, the UAE has the highest level of digital identity measured by various metrics such as access to services and e-signature. The country is promoting several digitization initiatives, including expanding broadband coverage, and creating a platform to maintain "smart cities". The digitalization of the GCC countries in the financial sector can be considered in various aspects - in the field of financial decisions and management at non-financial enterprises (for example, in the service sector or manufacturing), digitalization in the banking sector, in the field of investments, including affecting the activities of various investment funds that finance various projects in the region and beyond, increasingly using digital tools.

Finally, there is a high risk of cyber attacks, and the GCC countries are concerned about the need to strengthen cyber security in the financial sector. According to the ITU Global Cybersecurity Index 2020 (GCI), Saudi Arabia and the United Arab Emirates are among the top five countries in the world. Saudi Arabia and the UAE are notably active in strengthening their online protection efforts with global partners. The Middle East cybersecurity market is expected to grow from 16.1 billion dollars in 2020 to 28.7 billion dollars by 2025 (Haddad et al., 2022). Accordingly, efforts by governments and users to ensure control over data, which represents another type of asset, are growing. The costs to ensure the security of cyberspace will also increase, including the issues of personnel training and the development of new regulatory support. On the other hand, with the further advancement of digitalization in the financial and banking sector, its numerous advantages will become more and more evident to all participants in economic activity. For example, Haddad et al. (2022) note that AI will contribute over 300 billion dollars to the GDP of the Middle East by 2031.

One of the GCC features in digitalization is the need for appropriate import and technical interaction with foreign partners in the field of fintech, as well as the use of foreign experience. Among the problems of digitalization of the financial sector, insufficient level of education and personnel training must also be mentioned. According to PwC, the number of digital jobs in the Gulf countries is three times less than in more advanced economies, and digital professionals in the region do not always have the same advanced technical skills as their counterparts in other countries. According to the same study, most digital jobs in the region were held by expats as of 2017, and 93% of digital professionals hold degrees from overseas rather than local universities (Empowering the GCC digital workforce, 2017).

Therefore, international cooperation in the digital sphere, in general, and in the field of fintech, in particular, remains vital for the GCC. Such interaction is carried out with a number of countries, including the Russian Federation. To this end, the GCC countries provide the global fintech community with various preferences (such as financial, legal, and insurance) at the state level. As a result, key fintech accelerators are already operating in the Persian Gulf. They provide financial, technical, and regulatory assistance to local market participants and networking opportunities along with some other benefits. These structures support the most important fintech innovations and projects (including start-ups) for the GCC at the regional and country levels. For example, the Dubai International Financial Center (DIFC) estimates that fintechs based in the Middle East have been able to raise almost 3 billion dollars in venture capital funding for fintech projects in the GCC as of 2022, which is just under a third of the projected global market financing of 10 billion dollars (The Future of Finance..., 2021).

Based on state support, corporate structures will also intensify their activities. For example, in 2022, Bahrain-based Easy Financial Services BSC, one of the Kingdom's leading payment service providers, announced its partnership with Cayman Islands-based Binance, one of the world's leading crypto and blockchain infrastructure service providers, introducing the possibility of paying with crypto at the Bahrain online payment gateway and at least 5,000 POS (point of sale) terminals (Bahrain becomes the hub of the Digital Revolution in the GCC, 2022).

While considering the cooperation of the GCC countries with Russia, a number of educational and infrastructure programs in the region launched back in 2019 by the Russian corporation Rusnano should be noted (Rosnano will promote ..., 2019).

Conclusion

The study shows that:

1. The GCC managed to increase its economic potential in the 21st century, but this process was very uneven and turned out to depend on several external economic and non-economic factors. Such dependence does not allow countries to implement sustainable and independent development strategies.
2. One of the tools for stabilizing socio-economic processes is digitalization, including in the financial sector, which provides the ability to conduct all types of financial transactions quickly and easily.
3. The development of digital processes and the use of tools and mechanisms have become widespread in the region, including in the financial sector. In our opinion, Islamic banking can be considered as a factor stimulating digitalization in the GCC countries. At the same time, many tasks remain in this area.

4. Insufficient systemic state support and the low level of competencies in the digital sphere of the GCC residents (local population) can be noted among the problems of the development of digitalization in the financial sector. However, the region's fundamental efforts are being made to address these problems.

5. We assess the potential for the digital development of the financial sector in the GCC countries as very high due to the importance of this area and the interest in its further digitalization and activation of this process, making qualitative and quantitative changes to it, both on the part of the state and enterprises, as well as citizens. In turn, the study confirms that the development of digitalization of finance provides socio-economic stabilization and resistance to crisis phenomena of various origins.

References

1. Aidrous I. A., Asmyatullin R. R., Glavina S. G. (2021) The Development of the digital economy: GCC countries experience // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 280. Pp. 163–169. DOI: 10.1007/978-3-030-80485-5_21
2. Aker J., Boumniel R., McClelland A., Tierney N. (2016) Payment Mechanisms and Antipoverty Programs: Evidence from a Mobile Money Cash Transfer Experiment in Niger // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 65. Is. 1. Pp. 1–7. DOI: 10.1086/687578
3. Al-Khoury A. M. (2014) Digital identity: Transforming GCC economies // *Innovation: Organization & Management*. Vol. 16. Is. 2. Pp. 184–194. DOI: 10.1080/14479338.2014.11081981
4. Asmyatullin R. R., Tyrkba K. V., Ruzina E. I. (2020) Smart cities in GCC: comparative study of economic dimension / *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. International Science and Technology Conference "EarthScience". DOI: 10.1088/1755-1315/459/6/062045
5. Andreeva E. L., Glukhikh P. L., Krasnykh S. S. (2020) Assessment of the impact of digitalization processes on the development of technological exports of Russian regions // *Economics of the Region*. Vol. 16. Is. 2. Pp. 612–624. DOI: 10.17059/2020-2-21
6. Bahrain becomes the hub of the Digital Revolution in the GCC // *International Business Magazine*, 2022. URL: <https://intlbn.com/2022/10/13/bahrain-becomes-the-hub-of-the-digital-revolution-in-the-gcc/>
7. Bignell F. (2019) As a Part of Bahrain's Vision 2030, the NBB Launches Its Digital Banking Challenge // *The Fintech Times*, August 18. URL: <https://thefintechtimes.com/as-a-part-of-bahrains-vision-2030-the-nbb-launches-its-digital-banking-challenge/>
8. Demirgüç-Kunt A., Klapper L., Singer D., Ansar S. (2021) *The Global Findex Database 2021: Financial Inclusion, Digital Payments, and Resilience in the Age of COVID–19*. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1897-4
9. Elmasry T., Benni E., Patel J., Moore J. P. (2016) *Digital Middle East: Transforming the Region into a Leading Digital Economy*. McKinsey, New York, NY.
10. Evdokimova Yu. V., Shinkareva O. V., Bondarenko A. V. (2018) Market of financial technologies of the USA and Canada // *Russia and America in the XXI century*, 4.
11. Elaïess R. (2017) Action Plan Towards the Information Society in Developing Countries and the Arabic Speaking World // *American Research Journal of Computer Science and Information Technology*. Vol. 2. Is. 1. 18 pages.

12. Emirates Blockchain Strategy 2021. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/emirates-blockchain-strategy-2021>
13. Empowering the GCC digital workforce. Building adaptable skills in the digital era (2017). URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/ideation-center/ic-research/2017/gcc-digital-job-market.html>.
14. Haddad J., Salamat J., Trad C., Tu A. (2022) The Eight Digital Trends Defining the GCC's Future. URL: <https://www.oliverwyman.com/middle-east/our-expertise/insights/2022/mar/the-eight-digital-trends-defining-the-gcc-future.html>
15. Gackstatter S., Kotsemir M., Meissner D. (2014) Building an Innovation-driven Economy — the case of BRIC and GCC countries // *Foresight*. Vol. 16. Is. 4. Pp. 293–308. DOI: 10.1108/FS-09-2012-0063
16. Kelley K. (2022) Technology Trends in GCC Countries: A Bird's Eye Overview. URL: <https://www.simplilearn.com/technology-trends-in-gcc-countries-article>
17. Kotliarov I. D. (2020) Digital Transformation of the Financial Industry: the Substance and Trends // *Manager*. Vol. 11. Is. 3. Pp. 72–81. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-3-6.
18. Kumar B., Blechta M. (2022) Neobanks Set to Surge in GCC's Rapidly Transforming Finance Industry. URL: <https://www.bcg.com/publications/2022/future-of-neobanks-in-gcc-finance-industry>
19. Malyshev A. (2022) Digital Banking in the Middle East: Overview and Future Prospects. URL: <https://sdk.finance/digital-banking-middle-east/>
20. Maramygin M. S., Chernova G. V., Reshetnikova L. G. (2019) Digital transformation of the Russian financial services market: trends and features // *Manager*. Vol. 10. Is. 3. Pp. 70–82. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7
21. Moore D., Niazi Z., Rouse R., Kramer B. (2019) Building Resilience through Financial Inclusion: A Review of Existing Evidence and Knowledge Gaps // *Financial Inclusion Program, Innovations for Poverty Action, Washington, DC*. URL: <https://www.poverty-action.org/publication/building-resilience-through-financial-inclusion-review=existing-evidence-and-knowledge>.
22. Muralidharan K., Niehaus P., Sukhtankar S. (2016) Building State Capacity: Evidence from Biometric Smartcards in India // *American Economic Review*. Vol. 106. Is. 10. Pp. 2895–2929. DOI: 10.1257/aer.20141346
23. Nagimova A. Z. (2022) Islamic Fintech: Digitalization of Global Islamic Finance // *World Economy and International Relations*. Vol. 66. Is. 5. Pp. 50–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-50-58
24. National Agenda 2021. URL: <https://www.vision2021.ae/en/national-agenda-2021>
25. Rosnano will promote nanotechnology products in the Persian Gulf countries. URL: https://news.rambler.ru/other/42659682/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
26. Shkalkenko A. V., Fadeeva E. A. (2020) Analysis of the Impact of Digitalization on the Development of Foreign Economic Activity During COVID–19 Pandemic // *Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth (MTDE 2020)*. January. DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.197.
27. Shkvarya L. V., Frolova E. D. (2022) Comparative analysis of the development of foreign trade in the digital segment by regions of the world // *Economics of the Region*. Vol. 18. Is. 2. Pp. 479–493. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

28. Shkvarya L. V., Hailing Y. (2021) Digital Economy in China: Modern Trends // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 198. Pp. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_131
29. The Future of Finance: Digital transformation, innovation, and the fintech ecosystem in the GCC. (2021). URL:<https://www.legal500.com/special-reports/the-future-of-finance-digital-transformation-innovation-and-the-fintech-ecosystem-in-the-gcc/>
30. UNCTADSTAT. URL:<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

Цифровизация финансов в странах ССАГПЗ: текущие тенденции и вызовы

Адиля Рашидовна Бяшарова,

Кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Актуальность статьи заключается в необходимости изучения новых тенденций и процессов в странах Персидского залива в связи с цифровизацией различных сфер мировой экономики, особенно финансов. Целью статьи является анализ цифровизации финансового сектора в странах Персидского залива. В статье показано, что растущая волатильность мировой экономики имеет негативные последствия для стран этой группы. В XXI в. страны Персидского залива сталкиваются с экономическими кризисами, вызванными глобальным кризисом 2008 года, снижением мировых цен на нефть в 2014–2016 гг., политической нестабильностью в регионе и негативными последствиями глобальной пандемии COVID-19. Все это создавало трудности как для экономики, так и для граждан стран Персидского залива. В статье показано, что страны ССАГПЗ стремятся разработать новые механизмы стабилизации социально-экономической ситуации, в первую очередь связанные с цифровыми возможностями. Из них финансовый сектор имеет приоритет, поскольку он непосредственно влияет на социальные и экономические процессы. Новизна статьи заключается в изучении новых механизмов, которые страны ССАГПЗ могут использовать для осуществления цифровизации финансового и банковского сектора, и новых возможностей, которые может предоставить использование цифровых механизмов.

Результат исследования: Авторы обнаружили, что страны ССАГПЗ активизируют внедрение цифровых инструментов в экономической и финансовой сферах и региональное взаимодействие в цифровом сегменте, как между самими странами, так и с третьими странами. В исследовании авторы использовали статистические данные ЮНКТАД, глобальную базу данных Findex и предыдущие исследования по этому вопросу.

Ключевые слова: Западная Азия, ССАГПЗ, экономическое развитие, цифровизация, финансы, банковское дело.

Коды JEL: F30, F40, O53.

Ирак: возможности повышения финансовой и экономической устойчивости в условиях цифровизации

*Башиер Мааз Абдулла Башиер*¹

В статье представлен анализ процесса цифровой трансформации в Ираке. Актуальность статьи сводится к нынешней востребованности осмысления направлений и особенностей цифровизации экономики в Ираке для соответствия мировым тенденциям и возможности повышения финансовой и экономической устойчивости. Цель статьи состоит в анализе возможностей цифровизации в Ираке на основе как мирового опыта, в частности, стран Ближнего Востока и других стран Азии, так и уже имеющихся в Ираке примеров. Авторы исходят из точки зрения, что глобальная цифровизация требует от каждой страны определенных усилий в направлении имплементации цифровых технологий в национальную экономику для возможности устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Авторы применяют описательный и сравнительный методы исследования с использованием аналитических и статистических инструментов (графического метода). Данные для исследования были получены из национальных и международных источников, а также из вторичных источников. Период исследования включает 2000–2021 гг. В результате исследования авторы приходят к выводу, что Ирак мог бы увеличивать условия для цифровизации в сотрудничестве с зарубежными странами, как региональными, так и внерегиональными.

Ключевые слова: *Ирак, цифровая трансформация, финансовая устойчивость, экономическая устойчивость, экономическое развитие, стабилизация, реструктуризация.*

JEL коды: *F30, F40, O53.*

Введение

Мировая экономика все более активно осуществляет «цифровой переход», т.е. активизируется внедрение цифровых технологий во многие сферы хозяйственной жизни и социальной сферы. Это внедрение осуществляется уже на протяжении многих лет и находит широкое отражение в научных публикациях. Цифровизация распространяется географически и в отраслевых направлениях, включая финансы.

Сегодня цифровизация затрагивает в той или иной степени большинство стран мира, например, Китай, что отмечают исследователи. Однако страны Азии, в том числе и ее западные регионы, постепенно двигаются в направлении цифрового будущего, например страны ССАГПЗ, обладающие развитыми финансовыми рынками и значительными ресурсами капитала. В последние годы в этих странах усилилась трансформация национальной экономики в направлении цифровизации, и эти тенденции и процессы находят свое отражение в научной экономической литературе (Aidrous et al., 2021). Для других стран

¹ *Башиер Мааз Абдулла Башиер* — аспирант, Геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Западной Азии цифровизация также становится все более необходимой актуальной, например, для Ирака.

Республика Ирак является активным участником мировой торговли, особенно в стратегическом сегменте мирового рынка. Внешняя торговля оказывает непосредственное влияние на финансовую сферу страны. Ирак стремится укреплять свои позиции и на региональном уровне (Shkvarva, Nadir, 2022). Одновременно Ираку необходимо восстановить национальную экономику и финансы и добиться устойчивых успехов в социальной сфере после завершения многолетнего вооруженного конфликта — внешнего и внутреннего. Возможность для скорейшего восстановления в новых условиях мировой экономики может обеспечить Ираку не столько углеводородный сегмент, сколько диверсификация и цифровизация, затрагивающая широкий ряд отраслей и видов деятельности, сфер жизни общества. Стране необходимо осуществлять развитие не нефтяных отраслей и видов деятельности. Кроме того, важное значение сохраняет необходимость финансового восстановления Ирака. Восстановление финансового сектора страны может стать важным катализатором экономического развития. Решение многих из этих задач, по нашему мнению, может быть более эффективным с помощью современных цифровых возможностей. Эти возможности нуждаются в научном исследовании.

Результаты исследования

Экономическое развитие Ирака, которое отражает производство ВВП, является очень нестабильным и проблематичным, особенно с 2013 г. (рис. 1). Вследствие внешней военной интервенции со стороны США и захвата части территории Ирака уровень экономической стабильности в стране заметно снизился в 2013–2017 гг., и правительство не смогло противостоять этому процессу.

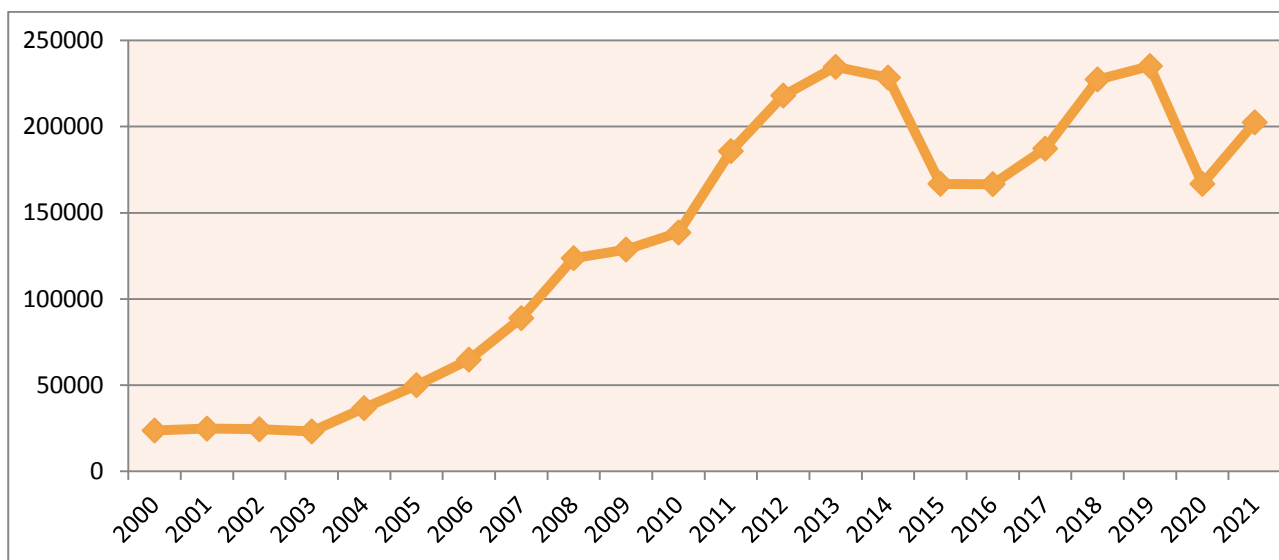

Рис. 1. Динамика ВВП в Ираке в 2000–2021 гг., млн. долларов США.

Источник: составлено по данным ЮНКТАД.

Но после официального окончания военных действий в 2017 г. экономика Ирака демонстрирует определенные успехи, и производство ВВП превысило довоенный уровень,

как видно из рис. 1. В различных регионах страны постепенно восстанавливаются промышленность и сельское хозяйство, обновляется инфраструктура, в том числе социальная, энергетическая и коммунальная. В результате с 2017 г. фиксируется экономический рост, за исключением пандемийного 2020 г. Этот рост, по оценкам, сохранится и в 2023 г. при сохранении в умеренного уровня инфляции в иракской экономике, финансовая система которой базируется на хождении наличных денег и отсутствии полноценно действующих развитых финансовых институтов.

Положительные процессы в экономике содействуют росту подушевых доходов, уровень которых не достиг, однако, довоенного показателя и остается нестабильным (рис. 2).

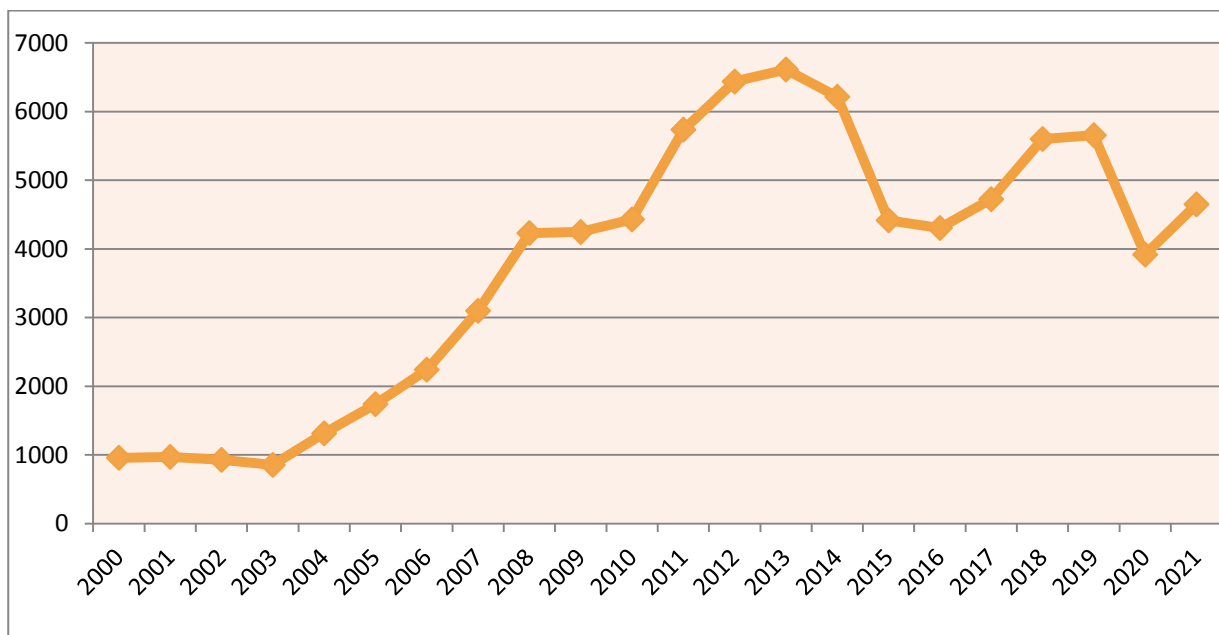

Рис. 2. Динамика подушевых доходов в Ираке в 2000–2021 гг., долларов США.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Несмотря на наличие некоторых позитивных тенденций, все еще негативно складывается ситуация в сфере притока прямых иностранных инвестиций в Ираке, особенно с 2013 г. (рис. 3), а капитал был выведен из страны за рубеж. Ирак все еще остается страной с высокими рисками для инвесторов, хотя рост экономики, в соответствии с концепциями экономической теорией, а также с примерами мировой практики, предоставляет им некоторые возможности.

Вообще Ирак традиционно остается весьма привлекательной с точки зрения инвестиций страной, что подтверждает их значительный рост в 2010–2012 гг., как видно из рис. 3. В частности, специалисты из США отмечают, что правительственные контракты и тендеры являются источником большинства коммерческих возможностей в Ираке во всех секторах, включая значительные контракты на добычу нефти и газа, и финансируются почти полностью за счет доходов от продажи нефти (US Department of State. 2022 Investment Climate Statements: Iraq).

Поэтому некоторые исследователи считают, что восстановление Ирака открывает одну из крупнейших глобальных инвестиционных возможностей за последние десятилетия, несмотря на то, что продолжающиеся политические потрясения создают рискованную и

нестабильную деловую среду (Fahad, Yas, 2022). Но экономические, и, в частности, финансовые, санкции, применяемые западными странам и против Ирака, усиливают финансовые и экономические проблемы в стране.

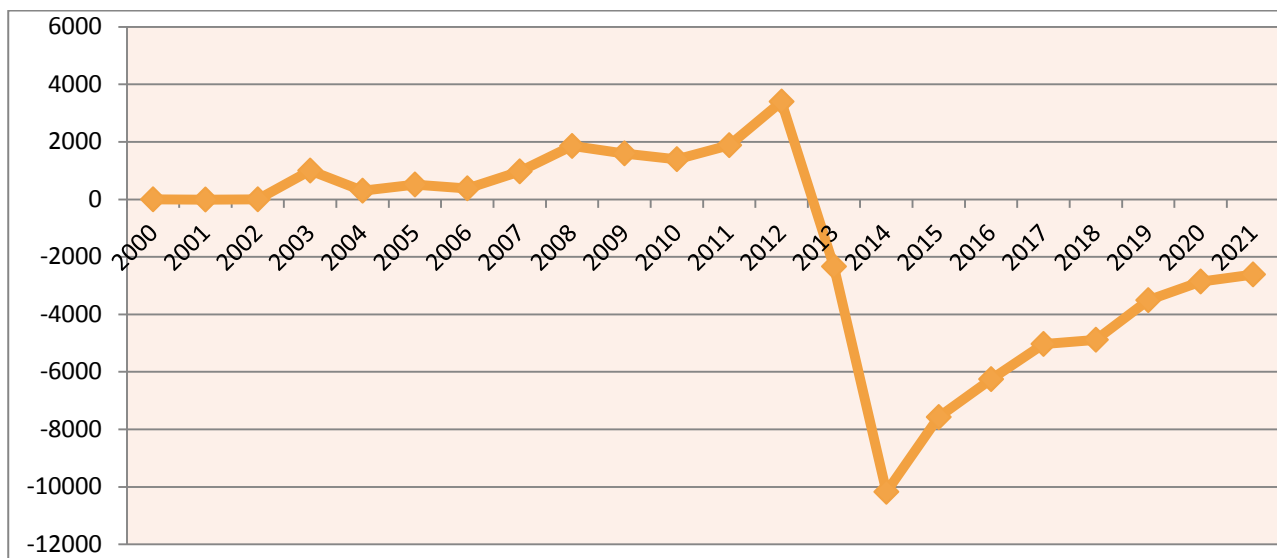

Рис. 3. Ирак: приток ПИИ в 2000–2021 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

В чем причины такой нестабильности? Мы можем разделить их на внешние и внутренние, экономические и политические и схематически представляем их в табл. 1.

Таблица 1.

Некоторые причины экономической нестабильности в Ираке и направления влияния на экономику Ирака.

	Экономические	Политические
Внешние	<ul style="list-style-type: none"> - Экономические санкции против Ирака; - Глобальная пандемия COVID–19; - Глобальная нестабильность, включая мировой рынок нефти; - Глобальная финансовая нестабильность; - Глобальная цифровизация. 	<ul style="list-style-type: none"> - Нападение США на Ирак в 2003-2011 гг.; - Военный конфликт в результате внешней военной агрессии 2015-2017 гг.; - политическая нестабильность в регионе Ближнего Востока.
Внутренние	<ul style="list-style-type: none"> - Моноотраслевая структура национальной экономики с упором на нефтяной сектор; - Отсутствие полной продовольственной самообеспеченности; - Высокая доля государственных предприятий в структуре национальной экономики; - Региональная неравномерность в уровне экономического развития. 	<ul style="list-style-type: none"> - Ирако-курдские конфликты; - Сохранение религиозных конфликтов; - Борьба между политическими партиями; - Недостаточно высокий уровень безопасности, сохраняющийся в отдельных регионах.

Источник: составлено автором.

Таким образом, как видно из табл. 1, влияние внешнего фактора на иракскую экономику огромно и неоднозначно, и сохраняющееся в стране присутствие США не оказывает никакого положительного и/или стимулирующего воздействия на экономику и социальную сферу этой страны, а также ее финансовую систему. Внешнее влияние можно даже назвать в значительной степени разрушительным из-за экономических санкций, воздействие которых, как показывают научные работы, продолжает быть деструктивными для Ирака, а также усиливающейся глобальной нестабильности.

В то же время МВФ прогнозирует возможность улучшения перспектив экономического развития в Ираке на фоне роста цен на нефть и наметившемуся увеличению ситуации в инвестиционной сфере. Это в совокупности может стать важным вкладом в реконструкцию в стране (IMF: Regional Economic Outlook, 2022). Эта возможность обеспечивается преимущественно стабилизацией общей внутренней ситуации в области безопасности в Ираке, которая заметно улучшилась, что предопределяет возможность развития экономики страны.

Возможности и направления цифровизации в Ираке

Одним из направлений внешнего воздействия на Ирак остается процесс глобальной цифровизации. Это направление, на наш взгляд, может одновременно нивелировать негативные воздействия внешней среды на национальную экономику и усилить позитивное влияние, аккумулировав внутренние возможности страны.

Еще в начале XXI в. государство сосредоточилось на формировании электронного правительства. Министерство науки и техники и Министерство связи предприняли шаги по созданию инфраструктуры Электронного правительства в Ираке в 2004 г. В частности, в 2004 г. Министерство науки и техники Ирака подписало контракт с итальянской компанией на разработку иракского проекта электронного правительства. Проект состоял из 3-х этапов:

- 1-й предполагал создание инфраструктуры информационных технологий, а также предоставление услуг сотрудникам Министерства науки и техники.
- 2-й этап предполагал предоставление е-услуг для сотрудников всех министерств Ирака и для торговли (пятилетний проект)
- 3-й включал предоставление услуг иракским гражданам (долгосрочный проект). В 2007–2010 гг. в Ираке была принята стратегия развития электронного правительства (Government of Iraq E-Government strategy, 2020).

Агентство США по международному развитию (*USAID*) и Министерство науки и техники Ирака совместно разработали стратегию развития иракского проекта электронного правительства на 2007–2010 гг., как показано на рис. 4.

До настоящего времени в области электронного правительства в Ираке было проведено очень мало научных исследований. Но имеющиеся исследования обосновывают точку зрения о стратегической важности, особенностях, задачах и возможностях электронного правительства в Ираке.

Возможно, отсутствие комплексных исследований в данной области послужило одной из причин того, что в последующие годы эта стратегия не обновлялась, что объясняется некоторыми исследователями тем фактом, что «стратегия была создана внешними консультантами по заказу *USAID* и, видимо, не была интернализирована ни правительством, ни обществом» (Halah, 2010).

Первый Иракский проект электронного правительства был небольшим проектом, связанным с системой электронного документооборота. Иракское правительство решило разработать проект электронного правительства, в рамках которого 5 наиболее важных министров будут связаны с канцелярией премьер-министра.

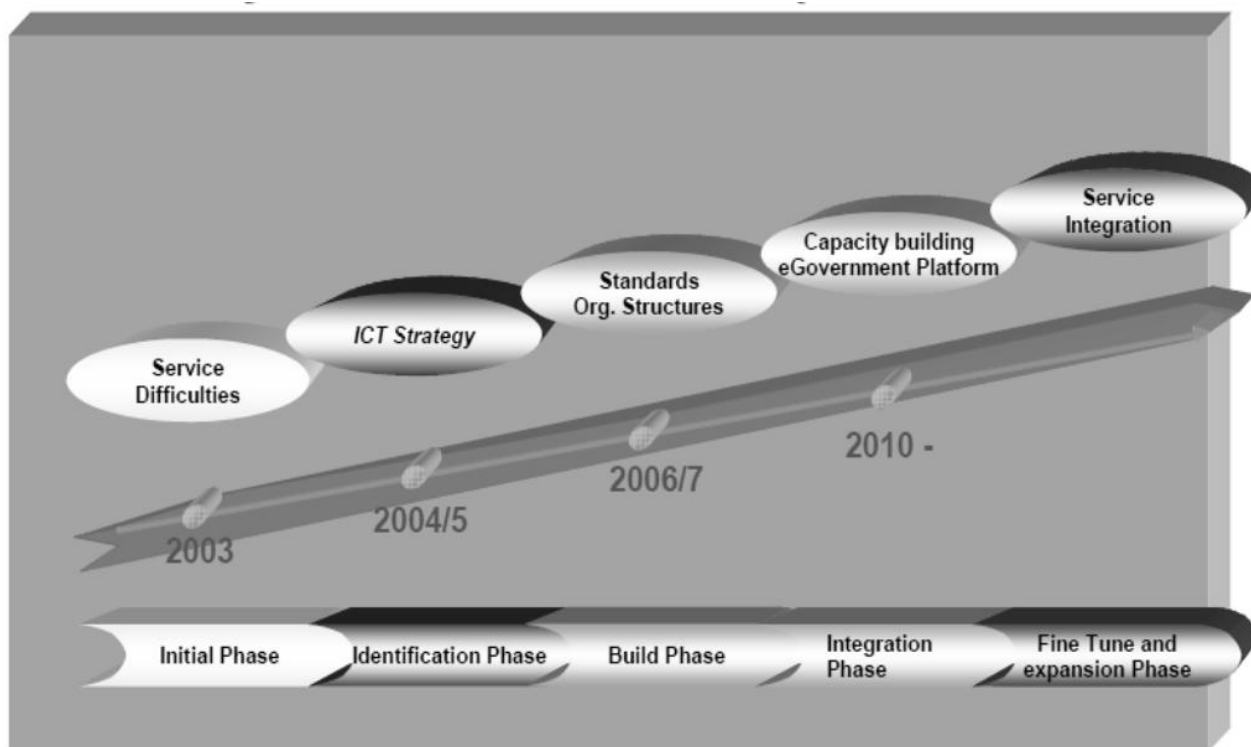

Рис. 4. «Дорожная карта» развития электронного правительства в Ираке в 2001–2011 гг.

Источник: Thulfiqar et al., 2019.

Приказом Совета министров № 46 в 2009 г. был создан Комитет по электронному правительству, который возглавляет Министерство науки и технологий. С этого времени комитет предоставляет каждому иракскому Министерству офис электронного правительства. Иракское правительство уделяет больше внимания электронному правительству, которое впервые было принято в 2009 г. на международной конференции по электронному Ираку в Багдаде. Конференция проходила при поддержке премьер-министра Ирака, и на ней присутствовали 250 участников из Ирака и ПРООН. Кроме того, 3000 сотрудников электронного правительства были направлены для получения надлежащей подготовки наставниками ООН. В конечном счете, в 2011 г. руководители Иракского электронного правительства и ПРООН провели 2-й форум, чтобы оценить проект и разработать новые планы для его развития. Кроме того, ПРООН обучила 200 иракских инструкторов по электронному правительству, которые, в свою очередь, должны были обучить 10000 преподавателей во всех центрах электронного правительства во всем Ираке.

Наконец, в 2012 г. Совет по электронному управлению провел 2-ю международную конференцию по «электронному Ираку», которая также была поддержана премьер-министром Ирака. В 2014 г. было решено провести новую конференцию, посвященную

возможностям развития электронного правительства под названием «Цифровые местные провинции: мост в будущее» (Digital local Province: the bridge to the future, 2014).

Ирак добился реализации «одной ключевой инициативы «белой книги» — регистрации компаний по принципу одного окна» — с запуском своего онлайн-о «единого окна», в котором использовалась платформа цифровых решений Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). (US Department of State. 2022 Investment Climate Statements: Iraq).

Согласно *The United Nations: E-Government Development Index 2022*, Ирак занял 146-е место в мире среди 193-х стран мира и одно из последних — среди государств Ближнего Востока и Северной Африки, присутствующих в рейтинге (табл. 2).

Таблица 2.

Рейтинг стран Ближнего Востока и Северной Африки по уровню развития электронного правительства, 2022.

Рейтинг	Страна	Индекс
13	ОАЭ	0.9010
16	Израиль	0.8885
31	Саудовская Аравия	0.8539
48	Турция	0.7983
50	Оман	0.7834
54	Бахрейн	0.7707
61	Кувейт	0.7484
78	Катар	0.7149
91	Иран	0.6433
100	Иордания	0.6081
101	Марокко	0.5915
103	Египет	0.5895
112	Алжир	0.5611
146	Ирак	0.4383
150	Пакистан	0.4238
156	Сирия	0.3872
169	Ливия	0.3375
184	Афганистан	0.2710

Источник: The United Nations: E-Government Development Index 2022.

Однако реализация стратегии развития электронного правительства в Ираке, как и в целом в экономике и финансовой сфере, сталкивается с серьезными проблемами, такими как технологические, экономические, политические, инфраструктурные, а также связанные с уровнем и качеством человеческого капитала. В частности, одной из задач остается формирование компетенций в сфере высоких технологий — как на уровне работников, так и предприятий (для последующего формирования компетенций на государственном общеэкономическом уровне). В то же время индекс человеческого развития в Ираке остается все еще низким (табл. 3).

Согласно *Human Development Report 2021–2022*, по индексу развития человеческого капитала Ирак занял 121-е место среди 191-го государства мира и позиционируется как страна со средним уровнем ИЧР (от 0,5 до 0,8) (Human Development Index).

Таблица 3.

Рейтинг стран Ближнего Востока и Северной Африки по уровню ИЧР за 2021–2022 гг.

№	СТРАНА	ИЧР
22	Израиль	0.919
26	ОАЭ	0.911
35	Бахрейн	0.875
35	Саудовская Аравия	0.875
42	Катар	0.855
48	Турция	0.838
50	Кувейт	0.831
54	Оман	0.816
76	Иран	0.774
91	Алжир	0.745
97	Египет	0.731
97	Тунис	0.731
102	Иордания	0.720
104	Ливия	0.718
106	Палестина	0.715
112	Ливан	0.706
121	Ирак	0.686
123	Марокко	0.683
150	Сирия	0.577
161	Пакистан	0.544
180	Афганистан	0.478
183	Йемен	0.455

Источник: составлено автором по: Human Development Report 2021–2022.

Стоит отметить, что в глобальных рейтингах по уровню развитию информационно-коммуникационных технологий, по индексу сетевой готовности и по индексу инноваций в 2021–2022 гг. Ирак не входит.

А в рейтинге стран по степени свободы интернета в мире Ирак занимает достаточно высокое место — 48-е среди 70-ти стран мира и среднюю позицию среди государств Ближнего Востока и Северной Африки, присутствующих в глобальном рейтинге (табл. 4). Это дает гипотетическую возможность обеспечить развитие финансовых технологий. Поэтому исследователи полагают, что Ирак находится в настоящее время на начальной стадии имплементации ИКТ и цифровизации (Mohammed, et al., 2016).

Дальнейшее развитие ИКТ и цифровизации в Ираке сделает также более привлекательной инвестиционную сферу, в том числе и ПИИ. Цифровые технологии сделают более прозрачной инвестиционную и финансовую сферы, ускорят и упростят финансовые процедуры, а также регистрацию, уплату налогов, участие в тендерах и другие процессы. Некоторые шаги в направлении интернет-банкинга в Ираке уже

предпринимаются, несмотря на получившие широкое развитие принципы исламского банкинга, имплементированные в банковскую систему страны.

Таблица 4.

Рейтинг стран Ближнего Востока и Северной Африки по уровню свободы интернета, 2021 г.

№	Страна	Индекс
25	Тунис	63
35	Марокко	53
39	Ливан	51
44	Ливия	48
45	Иордания	47
48	Ирак	41
53	Турция	34
57	Бахрейн	30
62	Объединённые Арабские Эмираты	27
63	Египет	26
64	Пакистан	25
65	Саудовская Аравия	24
69	Иран	16

Источник: Freedom on the Net, 2021.

В Ираке лишь около 3% населения имеют банковские карты, которые люди могли бы использовать для оплаты товаров и услуг. Да и банковские счета имеет порядка 50% населения, что существенно выше, чем в 2011–2014 гг., когда счета имели лишь 11% взрослого населения страны. Это достаточно высокий рост по сравнению с другими странами региона Северной Африки и Ближнего Востока. Проникновение смартфонов в Ираке достигло 17% в 2018 г. (Iraq Underdeveloped Financial System, 2018).

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что Ирак имеет потенциал развития финансовой цифровизации в силу как внутренних (рост молодого населения, политическая стабилизация), так и внешних (цифровизация) обстоятельств. Однако, на наш взгляд, значительная, если не решающая роль в этом процессе в Ираке должна принадлежать государству. В свою очередь, имплементация цифровых технологий в финансовую сферу даст толчок развитию национальной экономики, в том числе и благодаря росту спроса.

Выводы

Проведя данное исследование, мы приходим к выводу, что Ираку необходима разработка национальной программы развития диверсификации и цифровизации. При этом важно, чтобы эта программа:

а) имела развитую экономическую составляющую (как, например, у ОАЭ) и включала бы создание «электронного правительства», «умных городов» и в целом ИКТ;

б) эта программа должна быть представлена одним основополагающим документом, т.е. не «дробилась» по направлениям, отраслям и т.д., а также по различным институтам, отвечающим за ее самостоятельную реализацию;

в) имела бы комплексный характер, с одной стороны, а с другой стороны — проработанную «дорожную карту» становления и развития;

г) программа должна обеспечивать возможность активизировать взаимодействие с другими странами мира, имеющими успехи в цифровой трансформации, в том числе с Российской Федерацией;

д) программа должна обеспечивать цифровые приоритеты иностранных инвестиций.

Эти меры, по нашему мнению, смогли бы обеспечить решение многих социальных и экономических проблем страны.

Список литературы

1. Балмасов С. С. (2017) Алжир начинает политику по снижению рождаемости / Институт Ближнего Востока РАН. [Balmasov S. S. (2017) Algeria begins a policy to reduce the birth rate / Institute of the Middle East of the Russian Academy of Sciences.]. (In Russian.) URL: <http://www.iimes.ru/?p=36424>
2. Digital local Province: the bridge to the future, 2014 URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/5556708>
3. Fahad A. Y., Yas H. (2022) Investment Trends in the Iraqi Oil Sector (Upstream-Oil Refining-Gas Treatment — Transportation — Distribution) (2003-2020) // Natural Resources Research. Vol. 1. Is. 35. Pp. 123–147. DOI: <http://doi.org/10.52716/jprs.v12i2.662>
4. Freedom on the Net, 2021. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net#iraq>
5. Government of Iraq. E-Government strategy. 2007. <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNPAN/UNPAN033438.pdf>
6. Halah H. M. (2010) E-Government in Iraq // Journal of Engineering and Development. Vol. 14. Is. 4. Pp. 183–198.
7. Human Development Report 2021–2022. URL: <http://hdr.undp.org/>
8. Human Development Index, 2022. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>
9. IMF: Regional Economic Outlook, Middle East and North Africa, 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO>
10. Iraq Underdeveloped Financial System, 2018. URL: <https://fintechnews.ae/692/iraq/iraq-underdeveloped-financial-system-challenge-opportunity-fintech/>
11. Melanina M. (2016) The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy // The Genesis of Genius. № 1. Pp. 16–19.
12. Mohammed A. M., Burhanuddin M. A., Huda I., Harith A. A., Mohammed H. A., Mustafa M. J., Aymen S. (2016) E-government and its Challenges in Developing Countries: Case Study Iraqi E-government // The Social Sciences. Vol. 11. Is. 17. Pp. 4310–4319.
13. Shkvarya L. V., Nadir Ahmed A. N. (2022) Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of economic reconstruction // Asia and Africa Today. No. 8. Pp. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750021325-9
14. The United Nations: E-Government Development Index 2022. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index>.
15. Thulfiqar A., Yaqeen S. M., Mustafa S. S., Shahad K. K., Hadi H. M., Seevan F. A. (2019) Iraqi e-government and cloud computing development based on unified citizen identification

// Periodicals of Engineering and Natural Sciences. Vol. 7. No. 4. December. Pp. 1776–1793. DOI: 10.21533/pen.v7i4.840

16. UNCTAD. URL:<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

17. US Department of State. 2022 Investment Climate Statements: Iraq. URL:<https://www.state.gov/reports/2022-investment-climate-statements/iraq/>

Iraq: opportunities to increase financial and economic stability in the context of digitalization

Basher Maaz Abdullah Basher,

*Russian geological prospecting University Sergo Ordzhonikidze
117997 Moscow, Miklukho-Maklaya str., 23 Moscow, Russia.*

The article presents an analysis of the digital transformation process in Iraq. The relevance of the article is reduced to the current demand for understanding the directions and features of the digitalization of the economy in Iraq in order to comply with global trends and the possibility of increasing financial and economic stability. The purpose of the article is to analyze the possibilities of digitalization in Iraq based on both the world experience, in particular, the countries of the Middle East and other Asian countries, and the examples already available in Iraq. The authors proceed from the point of view that global digitalization requires from each country certain efforts towards the implementation of digital technologies in the national economy for the possibility of sustainable development in the long term. The authors apply descriptive and comparative research methods using analytical and statistical tools (graphical method). The data for the study were obtained from national and international sources, as well as from secondary sources. The study period includes 2000–2021. As a result of the study, the authors conclude that Iraq could increase the conditions for digitalization in cooperation with foreign countries, both regional and extra-regional.

Keywords: *Iraq, digital transformation, financial stability, economic stability, economic development, stabilization, restructuring.*

JEL codes: *F30, F40, O53.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Экономика замкнутого цикла: теоретические аспекты

Линецкий Александр Федорович¹

Сегодня актуализируется проблема внедрения экономики замкнутого цикла, или циркулярной экономики, которая для многих стран, в том числе России, может стать решением ряда задач, связанных с экологией и «зеленой» повесткой, и одновременно обеспечить рост эффективности национального хозяйства. Циркулярная экономика — это модель, в которой отходы не уничтожаются, а перерабатываются и повторно используются в цикле производства, что является ее преимуществом. Модель включает в себя улучшение производственных процессов, повышение эффективности использования ресурсов и сокращение количества отходов. В качестве месторождений здесь могут выступать завалы отходов, накопленные в разных странах (в том числе в России) за десятилетия. Цель статьи — рассмотреть преимущества и недостатки модели циркулярной экономики и предложить ряд подходов к проблем развития циркулярной экономики в России. Статья написана на базе анализа имеющейся научной литературы по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, экология, эффективность, «зеленая» повестка.

JEL коды: A10, F01, O13, O14.

Введение

Циркулярная экономика, или экономика замкнутого цикла, — это экономическая модель, основанная на минимизации отходов и повторном использовании ресурсов. В этой модели предполагается, что ресурсы не являются неисчерпаемыми и должны быть использованы в соответствии с принципом «извлечь, использовать, восстановить». Циркулярная экономика предполагает переход от линейной модели производства и потребления, где ресурсы извлекаются, используются и выбрасываются, к замкнутому кругу, где отходы являются источником новых ресурсов. Это ведет к снижению количества отходов, улучшению экологической устойчивости и сокращению затрат на производство.

Сегодня исследователи из разных стран, международные организации, как ЮНКТАД, Всемирный экономический форум и др., проводят международные симпозиумы и исследования, посвященные циркулярной экономике, так как существующая модель имеет значительные ограничения роста (Meadows, 1972). Многие ученые в России также

¹ *Линецкий Александр Федорович* — доктор экономических наук, профессор Институт экономики УрО РАН, Отдел исследования региональных социально-экономических систем, Екатеринбург, Россия.

обращаются к проблемам циркулярной экономики в направлении ее дефиниций и понятийного аппарата (Валько, 2019), ее тенденций и путей развития (Дорохина, Харченко, 2017). Исследователи пытаются сформулировать особенности циркулярной экономики и тенденции ее развития (Дорохина, Харченко, 2017), так как обосновывают точку зрения о том, что переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок смогут стать факторами устойчивого развития экономики (Пахомова и др., 2017).

Цель статьи — рассмотреть преимущества и недостатки модели циркулярной экономики и предложить ряд подходов к проблемам развития циркулярной экономики в России. Статья написана на базе анализа имеющейся научной литературы по рассматриваемой тематике.

Результаты исследования

Интерес к циркулярной экономике обусловлен несколькими факторами:

- Ресурсо- и энергоэффективность. Циркулярная экономика позволяет организовать использование ресурсов и энергии более эффективно, снижая объемы отходов и выбросов нефтепродуктов и других загрязнений. Проблема исчерпаемости природных ресурсов возникает из-за того, что человечество использует их быстрее, чем они могут восстанавливаться. Это может привести к экологическим проблемам, таким как загрязнение воздуха и воды, снижение биоразнообразия, изменение климата и деградация почв. Модель циркулярной экономики призвана решить эту проблему путем перехода к более устойчивому и ресурсосберегающему использованию природных ресурсов. Вместо того, чтобы потреблять и выбрасывать, циркулярная экономика предлагает утилизировать, восстанавливать и использовать ресурсы повторно. Это можно достигнуть путем перехода к замкнутому циклу производства и потребления, где отходы становятся основой для производства новых товаров.

- Циркулярная экономика также предлагает перспективу созидательного и устойчивого экономического развития, где предприятия могут создавать новые продукты и услуги, основанные на замене линейной модели потребления и производства на более устойчивую циркулярную модель (Цуркан, Любарская, 2020). На планете есть ограниченное количество ресурсов, и то, что мы сегодня воспринимаем как неисчерпаемое, может закончиться завтра. Циркулярная экономика позволяет создать устойчивые процессы использования ресурсов, чтобы минимизировать отходы и максимизировать переработку и повторное использование многих видов материалов (рис. 1). При этом циркулярная экономика может помочь сохранить ресурсы и снизить издержки при производстве благ, что может быть выгодно для бизнеса. Она может также создать новые возможности для экономического роста и развития бизнеса, создавая новые рынки и спрос на изделия. Циркулярная экономика может помочь более эффективно использовать ресурсы и снизить выбросы парниковых газов, связанных с добычей новых ресурсов и производством. Как результат, циркулярная экономика может помочь бороться с изменением климата и создать более устойчивую и здоровую среду. Значительное количество отходов, которые производятся на производстве, являются опасными для здоровья людей. Например, выбросы производства могут привести к загрязнению воздуха, воды и почвы, что имеет негативные последствия для общественного здоровья. Циркулярная экономика может помочь снизить

количество отходов производства и улучшить качество воздуха, воды и почвы, т.е. содействовать реализации «зеленой» повестки.

Рис. 1. Отличия линейной (вверху) модели ведения бизнеса и циркулярной экономики.

Источник: Шинкевич и др., 2022. С. 66.

- **Экономическая эффективность.** Циркулярная экономика позволяет сократить расходы на закупку новых ресурсов, что повышает конкурентоспособность компаний. Циркулярная экономика имеет несколько преимуществ, которые способны повлиять на экономическую эффективность. Вот некоторые из них:

1. **Сокращение затрат на сырье:** Циркулярная экономика позволяет перерабатывать уже использованные материалы и продукты, что уменьшает потребность в новых сырьевых ресурсах. Это, в свою очередь, снижает затраты на приобретение сырья и увеличивает доходы компаний.

2. **Снижение цен на продукты:** Переработка и повторное использование материалов подразумевает более длительный жизненный цикл продуктов. Это означает, что компании могут снизить цены на продукты благодаря снижению затрат на сырье и более эффективному производству.

3. **Создание новых рынков и бизнес-возможностей:** Циркулярная экономика может стать источником инноваций и новых бизнес-возможностей. Например, компании могут создавать новые продукты из отходов или перерабатывать отходы в новые ресурсы, что открывает новые рынки и дает возможность заработать деньги.

4. **Снижение рисков:** Циркулярная экономика может помочь компаниям снизить риски, связанные с колебаниями цен на сырье и снижением доступности ресурсов. Переработка и повторное использование отходов может позволить компаниям стабилизировать свою ценовую политику и снизить риски нехватки ресурсов.

5. В целом, циркулярная экономика может принести экономическую выгоду не только компаниям, но и обществу в целом через более эффективное использование ресурсов и снижение негативного воздействия производства на окружающую среду.

• Требования рынка. Сейчас потребители стали более осознанными и заинтересованными в экологически чистых продуктах, изготовленных с использованием циркулярных технологий. В этой связи очень важно уменьшение отходов и повторное использование ресурсов: рынок требует, чтобы продукты были произведены с использованием меньшего количества материалов и быстрее переходили на повторное использование, а не на утилизацию. Во многом это касается таких видов продукции, как пластик, загрязняющий окружающий мир надолго (A European Strategy...). Рынок требует удобства в использовании материалов и продуктов, которые приводят к уменьшению остатков и повышению их перерабатываемости; чтобы производителям стало выгоднее переходить на циркулярную экономику, чем продолжать использовать линейный подход производства и потребления ресурсов; чтобы владельцы бизнеса сотрудничали между собой, чтобы создать более эффективный циркулярный поток для материалов. Наконец, рынок требует, чтобы продукты и материалы, полученные из циркулярной экономики, были высокого качества, что бы повысило сознание потребителей в отношении экологии.

• Законодательство. Во многих странах, например в ЕС (Носко, 2017) уже существуют законы и нормативы, обязывающие компании заботиться об экологии, сокращать объемы отходов и выбросов, повышать ресурсоэффективность и т.д.

В последние годы в разных странах мира активно ведутся работы по формированию и развитию циркулярной экономики, которая предполагает использование ресурсов максимально эффективно, максимальное снижение количества отходов и устойчивое развитие экономики на основе переработки отходов в ресурсы. Это направление развития экономики требует определенной правовой базы, которая определяет основные принципы и поощряет развитие циркулярной экономики.

Вот некоторые законодательные акты для развития циркулярной экономики:

– Директива Европейского Союза об отходах. Эта директива определяет круговой характер использования ресурсов и призывает к переходу от линейной экономики к циркулярной, поощряя переработку отходов в ресурсы и снижение количества производимых отходов.

– Законодательство о маркировке товаров. Маркировка товаров может стать инструментом для повышения уровня потребительской информации о возможностях повторного использования и переработки продуктов. Это стимулирует производителей к созданию экологичных и перерабатываемых продуктов, а потребителей к более осознанным покупкам.

– Законодательные акты о сборе и утилизации отходов. В разных странах принимаются законы об обязательной сортировке и переработке отходов. Это стимулирует повторное использование и переработку отходов, создает новые рабочие места и минимизирует негативное влияние на окружающую среду.

– Постановления о поддержке инноваций. Правительства ряда стран создают программы и фонды для поддержки и развития в сфере циркулярной экономики, стимулируют инновационные подходы в использовании ресурсов и переработке отходов.

– Государственные закупки экологически чистых товаров. Государственные организации и компании могут оказывать значительное влияние на поведение рынка, в том числе и в сфере переработки отходов, могут стимулировать создание перерабатываемых и экологически чистых продуктов.

– Законодательные акты о регулировании загрязнений. Ужесточение стандартов и законодательных норм в отношении загрязнения и выбросов может стать стимулом для компаний, работающих в разных сферах экономики, переходить на более экологически чистую технологии производства, минимизировать отходы и повысить эффективность использования ресурсов.

Несмотря на динамическое развитие циркулярной экономики, во многих странах есть еще много проблем по ее поддержке и развитию. В частности, сохраняется необходимость укрепления законодательства и развития мер государственной поддержки.

Все эти факторы стимулируют компании и государства переходить к циркулярной экономике. Она призвана обеспечить устойчивое развитие и сохранить ресурсы для будущих поколений.

В то же время в процессе становления циркулярной экономики, как и во всех процессах в мире, сохраняется определенная неоднозначность и проблемность, конкретизированные ниже.

Сложность реализации: Переход на модель циркулярной экономики требует изменения во многих сферах, от производства до потребления. Это дорого и требует значительных усилий со стороны правительств, предпринимателей и общественности.

Недостаточное понимание: Многие люди не знают, что такое циркулярная экономика, и где она уже использована. Это приводит к тому, что многие люди не поддерживают идею в целом или не знают, как внести свой вклад.

Сложность предсказания потребностей рынка: В циркулярной экономике все материалы перерабатываются и повторно используются. Это затрудняет предсказание потребностей и рынков в будущем и может привести к экономическим проблемам.

Проблемы сбора отходов: Чтобы материалы могли быть возвращены в цикл, они должны быть собраны и переработаны на правильном этапе. Это требует координации и ресурсов, которые могут быть недоступны в некоторых странах или регионах.

Сложность решения национальных потребностей: Разные страны имеют разные потребности в материалах и ресурсах. Изменение к циркулярной экономике может привести к тому, что национальные потребности не будут удовлетворены, что потребует поиска новых методов обеспечения страны сырьевыми материалами.

Высокие затраты на исследования и разработки: Циркулярная экономика требует инноваций в производстве, переработке и потребительских привычках. Ввиду этого инвесторы должны выделить значительные ресурсы на исследования и разработки в этой области.

В России циркулярная экономика начала развиваться только недавно и пока еще не достигла значительного успеха (Воротникова и др.). Одной из основных причин является отсутствие материальной базы и высоких технологий для переработки отходов, а также отсутствие соответствующих НИОКР.

Тем не менее, правительство России начало активно поддерживать развитие циркулярной экономики в стране. Например, был разработан Национальный план действий по переходу к циркулярной экономике, который предусматривает меры по улучшению производственных процессов, повышению эффективности использования ресурсов и сокращению количества отходов.

Также в России созданы несколько экономических зон, где предпринимателям предоставляются привилегии и льготы для развития циркулярной экономики. В этих зонах

работают компании, которые занимаются переработкой вторсырья и созданием экологически чистых продуктов.

Таким образом, развитие циркулярной экономики в России еще не достигло значительных результатов, однако правительство и бизнес уже начали активно работать в этом направлении, что дает надежду на положительные изменения в будущем.

Можно отметить ряд проблем развития циркулярной экономики в России.

1. Недостаточная осведомленность населения о концепции циркулярной экономики и ее потенциальных преимуществах.

2. Слабое юридическое и инфраструктурное обеспечение создания и реализации циркулярных моделей.

3. Отсутствие финансового стимулирования и инвестиций со стороны бизнес-сектора и правительства.

4. Высокие затраты на транспортировку и переработку отходов, что сдерживает развитие циркулярных моделей.

5. Недостаток перспективных технологий и инноваций для масштабирования циркулярной экономики.

6. Низкая готовность предприятий к изменению существующих производственных моделей и технологий.

7. Низкие экономические показатели циркулярных моделей из-за ограниченного потребительского спроса на продукты, произведенные из вторичных и переработанных материалов.

8. Отсутствие единых стандартов и методологий в рамках циркулярной экономики, что затрудняет сравнение и оценку эффективности различных подходов.

Решение проблем развития циркулярной экономики в России мы видим в следующем:

1. Создание изменений в законах и фискальной политике и др., включая налоговые льготы и другие стимулы для фирм, которые внедряют экологически устойчивые методы производства.

2. Содействие в развитии локальных рынков и рециркуляции отходов. Это преимущественно будет включать в себя создание центров демонстрации, хакатонов, переподготовки и обмена знаниями по теме.

3. Развитие системы вторичной переработки через более эффективную работу в облачных ресурсах, прогнозирование и оптимизацию, что обеспечивает более высокую доступность материалов, сокращении потерь и пролонгации сроков использования материалов.

4. Налаживание автоматического «обслуживания» продуктов в контексте «управления жизненным циклом». Это позволило бы сократить потребность в операторах и обеспечило бы продукты доступность времени на пользование, повышение применяемости и утилизации.

5. Создание различных программ материального стимулирования населения, таких как снижение налога на материалы, которые могут быть только вторично переработаны, и увеличение налога на отходы, способствующих лучшей системе транспортировки и логистике отходов.

6. Внедрение различных программ, поднимая аудиторность и формируя открытость компаниям, с содействием в разработке и реализации принципов циркулярной экономики.

Это позволит взаимодействовать с экспертами, исследователями и профессионалами, которые имеют большой практический опыт в данной области.

Заключение

Концепция циркулярной экономики, основанной на максимальной переработке отходов и повторном использовании ресурсов, получила широкое распространение в разных странах мира. Эта модель позволяет уменьшить нагрузку на природные источники, сократить количество отходов и снизить экологическое воздействие производства.

В России интерес к циркулярной экономике также растет и существуют попытки ее внедрения. Например, в 2019 г. Президентом был утвержден национальный проект «Экология», который включает программу по развитию циркулярной экономики. В рамках программы планируется содействовать увеличению объема переработки отходов и развитию вторсырьевой базы, а также созданию современных технологий рециклинга и повторного использования ресурсов.

Однако внедрение циркулярной экономики в России и в мире в целом затрудняется некоторыми факторами. Это в том числе и сложность системной перестройки экономики (нежелательной для ТНК), в которой доли необходимости расходования природных ресурсов в настоящее время значительны. Кроме того, для эффективного внедрения циркулярной экономики необходима согласованность действий всех участников в производственном цикле от государства до потребителя и высокий уровень осведомленности населения.

Таким образом, внедрение и широкое распространение циркулярной экономики в России и в мире возможно, однако требует системного подхода, включая реформы на законодательном уровне и содействие развитию технологий рециклинга. Строительство циркулярной модели экономики требует изменения образа мышления в данном направлении.

Список литературы

1. Валько Д. В. (2019) Циркулярная экономика: понятийный аппарат и диффузия концепции в отечественных исследованиях // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. № 2. С. 42–49. [Valko D. V. (2019) Circular economy: conceptual apparatus and diffusion of the concept in domestic research // Scientific Journal of ITMO Research Institute. Series: Economics and Environmental Management. No. 2. Pp. 42–49. (In Russian).]
2. Воротников А. В., Лыжин Д. Н., Ипатова Н. С. В России начинается переход к циркулярной экономике замкнутого цикла. [Vorotnikov A.V., Lyzhin D. N., Ipatova N. S. The transition to a circular economy of a closed cycle begins in Russia. (In Russian).] URL: <http://ecopress.center/page4186642.html>
3. Дорохина Е. Ю., Харченко Е. Ю. (2017) Экономика замкнутых циклов: проблемы и пути развития // Экология и промышленность России. Т. 21. № 3. С. 50–55. [Dorokhina E. Yu., Kharchenko E. Yu. (2017) The economy of closed cycles: problems and ways of development // Ecology and Industry of Russia. Vol. 21. No. 3. Pp. 50–55. (In Russian).]
4. Носко П. А. (2019) Тенденции развития экономики замкнутого цикла в Европейском союзе // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». № 1. [Nosko P. A. (2019) Trends

in the development of a closed-cycle economy in the European Union // Online magazine "Waste and Resources". No. 1. (In Russian.)] URL: <https://resources.today/PDF/04ECOR119.pdf>

5. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Ветрова М. А. (2017) Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 33. № 2. С. 244–268. [Pakhomova N. V., Richter K. K., Vetrova M. A. (2017) Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor of sustainable development // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. Vol. 33. No. 2. Pp. 244–268. (In Russian).]

6. Ратнер С. В. (2018) Циркулярная экономика: теоретические основы и практические приложения в области региональной экономики и управления // Инновации. № 9 (239). С. 29–37. [Ratner S. V. (2018) Circular economy: theoretical foundations and practical applications in the field of regional economics and management // Innovation. No. 9 (239). Pp. 29–37. (In Russian).]

7. Цуркан М. В., Любарская М. А. (2020) Проектный подход для развития экономики замкнутого цикла экоиндустриальных парков. Тверь. 280 с. [Tsurkan M. V., Lyubarskaya M. A. (2020) Project approach for the development of the economy of a closed cycle of eco-industrial parks. Tver. 280 p. (In Russian).]

8. Шинкевич М. В., Якунина Р. П., Башкирцева С. А. (2022) Экономика замкнутого цикла — новая парадигма в управлении мезосистемами // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 3. С. 64–72.

9. A European Strategy for Plastics in a Circular Economy (brochure) // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/environment/circular-economy/pdf/plastics-strategy-brochure.pdf>

10. Kalmykova Y., Sadagopan M., Rosado L. (2018) Circular economy — from review of theories and practices to development of implementation tools // Resources, conservation and recycling. Vol. 135. P. 190–201.

11. Meadows D. H., et al. (1972) The Limits of Growth. New York // Universe Books, Potomac Associated Book. 203 p.

Closed cycle economics: theoretical aspects

Alexander Fedorovich Linetsky

Dr Sc. (Economics), Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of Research of Regional Socio-Economic Systems, Yekaterinburg, Russia.

Today, the problem of introducing a closed-cycle economy, or a circular economy, is being actualized, which for many countries, including Russia, can become a solution to a number of problems related to ecology and the "green" agenda, and at the same time ensure the growth of the efficiency of the national economy. Circular economy is a model in which waste is not destroyed, but is recycled and reused in the production cycle, which is its advantage. The model includes improving production processes, increasing resource efficiency and reducing waste. The deposits here can be piles of waste accumulated in different countries (including Russia) over decades. The purpose of the article is to consider the advantages and disadvantages of the circular economy model and to propose a number of approaches to the problems of the development of the circular

economy in Russia. The article is written on the basis of an analysis of the available scientific literature on the subject under consideration.

Keywords: *closed-cycle economy, circular economy, ecology, efficiency, "green" agenda.*

JEL codes: *A10, F01, O13, O14.*

Традиционный китайский фестиваль Дуань У